

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра романских языков и прикладной лингвистики
45.03.02 Лингвистика

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой РЯиПЛ

_____ А. В. Колмогорова

« _____ » _____ 2020 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

**РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ МУЖЧИНЫ В КОММУНИКАТИВНОЙ
РОЛИ ОТЦА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКИХ И АНГЛИЙСКИХ
ФИЛЬМОВ)**

Выпускник

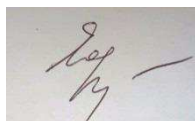
А. А. Вертунова

Научный руководитель

канд. филол. наук,
доц. О.Н. Варламова

Нормоконтролер

В.В. Ефимова

Красноярск 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА МУЖЧИНЫ В КОММУНИКАТИВНОЙ РОЛИ ОТЦА	6
1.1. Речевое портретирование как методика описания языковой личности	6
1.2. Понятие социальной и коммуникативной роли в лингвистике	16
1.3. Изучение роли отца в гуманитарных науках	24
1.3.1. Изучение семейного общения с позиции гуманитарных наук.....	24
1.3.2. Изучение роли отца в английской и французской культуре	28
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	32
ГЛАВА 2. ЯЗЫКОВЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕЧИ МУЖЧИНЫ В КОММУНИКАТИВНОЙ РОЛИ ОТЦА	34
2.1. Характеристика исследовательского корпуса	34
2.2. Языковые особенности речи мужчины в коммуникативной роли отца... ..	36
2.2.1. Просодические особенности отцовской речи	36
2.2.2. Лексические особенности отцовской речи	41
2.2.3. Грамматические особенности отцовской речи	48
2.3. Лингвопрагматический аспект описания речевого портрета отца	59
2.4. Кросс-культурный аспект описания речи мужчин в коммуникативной роли отца.....	65
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	69
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	71
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	74

ВВЕДЕНИЕ

Семейное общение сравнительно недавно стало предметом исследования лингвистики. С позиции коммуникативной лингвистики наиболее часто объектом изучения становятся речевые характеристики женщины в коммуникативной роли матери, поскольку она является ключевой фигурой в семейных отношениях, в социализации детей и в создании семейной уникальности, в то время как анализу речевых характеристик мужчины в коммуникативной роли отца (в том числе наставника, старшего брата и др.) исследований посвящено сравнительно меньше. В связи с этим мы определяем необходимость описания речевого портрета мужчины в контексте важной для лингвокультурологии и коммуникативной лингвистики роли – роли отца. Этими аспектами обусловлена **актуальность** выбранной темы: «Речевой портрет мужчины в коммуникативной роли отца (на материале французского и английского кинодискурса)».

Объектом данного исследования является коммуникация отцов (или людей, выполняющих коммуникативную роль отца) с детьми, на материале французских и английских фильмов. **Предметом** работы являются речевые характеристики мужчины в коммуникативной роли отца.

Цель работы состоит в описании речевых характеристик, свойственных коммуникативной роли отца, а также языковых средств их реализации.

Материалом исследования послужили фрагменты общей продолжительностью 8 часов 34 минуты из 24 художественных семейных фильмов ("Le Jouet" (1976), "Les Compères" (1983), "La Gloire de mon père" (1990), "De l'autre côté du lit" (2008), "Le petit Nicolas" (2009), "Intouchables" (2011), "La guerre est déclarée" (2011), "Nos plus belles vacances" (2012), "Ma première fois" (2012), "Le père Noël" (2014), "Demain tout commence" (2016), "Juillet Août" (2016), "The Secret Garden" (1993), "Billy Elliot" (2000), "Love, actually" (2003), "The Christmas Miracle of Jonathan Toomey" (2007), "Millions"

(2007), "I Know You Know" (2008), "Toast" (2010), "Broken" (2012), "Having you" (2013), "Paddington" (2014), "Goodbye Christopher Robin" (2017), "Paddington 2" (2017)) на французском и английском языках.

Для достижения цели исследования необходимо решение ряда **задач**:

1) обобщить подходы к пониманию сущности социальной и коммуникативной роли, языковой личности и речевого портрета в современной науке;

2) определить место коммуникативной роли отца в современной коммуникативистике;

3) определить функции, выполняемые отцом с позиции социологических исследований;

4) выявить языковые особенности реализации коммуникативной роли отца на просодическом, лексико-грамматическом уровнях;

5) выявить прагматические особенности реализации коммуникативной роли отца в речи мужчины

Методы исследования:

– метод монографического изучения, который предполагает работу с литературой по изучаемой проблеме;

– метод сравнения и анализа;

– метод лингвистического описания;

– метод контекстуально-интерпретирующего анализа;

– метод качественно-количественного анализа;

– методика речевого портретирования;

– описательный метод;

– электронно-акустический анализ речи;

– компьютерно-опосредованная методика анализа текстовых данных;

– метод сплошной выборки.

Практическая значимость исследования состоит в том, что результаты работы могут быть использованы в преподавании таких университетских дисциплин как практический курс французского языка, социолингвистика, межкультурная коммуникация.

Теоретической базой для нашего исследования стали труды ученых, посвященные речевому портретированию (Т.П. Тарасенко, Е.А. Бабушкина, Т.М. Николаева, М.В. Панов), социальной роли (И.С. Кон, Л.П. Крысин, Т. Шибутани), социальному статусу (Н.К. Филиппова), коммуникативной роли (О.Н. Шалифова, А.В. Красненко, Н.К. Кравченко, И.А. Стернин, Е.Ф. Тарасов, Л.С. Патрушева, Н.И. Формановская), семейной коммуникации (О.Н. Шалифова, А.В. Красненко, А.В. Колмогорова, О.Н. Варламова).

Структура работы определяется ее целью и задачами: работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы. Список литературы насчитывает 78 источников. Во введении обосновывается актуальность темы исследования, степень ее разработанности, представлен методологический аппарат исследования. Основная часть представлена двумя главами, поделёнными на параграфы. В заключении подводятся выводы по итогам проведенной работы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА МУЖЧИНЫ В КОММУНИКАТИВНОЙ РОЛИ ОТЦА

1.1. Речевое портретирование как методика описания языковой личности

В конце XX века ведущим принципом описания языкового материала стал принцип антропоцентризма, основанием для которого послужило стремление изучать язык в тесной связи с человеком. Ключевым понятием современной лингвистики становится «языковая личность». Разработка вопросов теории и методики изучения языковой личности имеет свою историю развития, а также обоснование собственного понимания тех или иных составляющих этого феномена в работах разных исследователей.

Впервые термин «языковая личность» употребил В.В. Виноградов в контексте анализа соотношения индивидуального и общего в языке художественной прозы: «Бодуэн де Куртенэ <...> устранил из своих исследований литературного языка методы исторического анализа и историзм как мировоззрение. Его интересовала языковая личность как вместилище социально-языковых форм и норм коллектива, как фокус скрещения и смещения разных социально-языковых категорий» [Виноградов, 1980].

Первым определением языковой личности предложил Г.И. Богин, определивший языковую личность как «человека, рассматриваемого с точки зрения готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [Богин, 1982].

Наиболее полное и точное определение было дано Ю.Н. Карауловым. На сегодняшний день это определение является общепринятым в отечественной лингвистике: языковая личность – это личность, обладающая знанием языковой семантики, системы концептов ее картины мира и законов речевого поведения, при этом возможно выделение индивидуальной и

коллективной языковой личности [Караулов, 1989]. Под коллективной языковой личностью в этой трактовке следует понимать отражение носителями языка в речи всего набора специфических черт, присущих данному языку, а под индивидуальной – отражение специфических черт (зависящих от характера, интересов, социальных и психологических предпочтений и установок) в текстах, произведенных отдельно взятым, конкретным индивидуумом.

Сентенберг, называя феномен коллективной языковой личности **совокупной**, отмечает, что она вариативна в территориальном, профессиональном, культурном, половом и т. п. отношении; в связи с этим возможно изучение коллективная (совокупная) языковая личность школьника, дошкольника, студенческой и рабочей молодежи, основного и уходящего поколений и т.д. А.А. Ворожбитова же предлагает использование термина «коллективная языковая личность» или «совокупная языковая личность» применительно к этносу в целом, а при описании социальных групп ввести термин «**групповая языковая личность**». О.Н. Шевченко противопоставляет типовую и индивидуальную языковую личность. «Типовая языковая личность характеризуется такими свойствами, как абстрактность, эталонность, собирательность, безличность». Кроме того, в каждом конкретном случае типовая модель реализуется в виде индивидуальной языковой личности. Индивидуальная языковая личность совпадает с типовой в базовых характеристиках, но также имеет свои особенности.

Наиболее полно теория языковой личности разработана в трудах Ю.Н. Караулова. По модели, разработанной Ю.Н. Карауловым, языковая личность состоит из следующих уровней:

1. Вербально-семантический уровень, предполагающий для носителя нормальное владение естественным языком, а для исследователя языковой личности – традиционное описание формальных средств выражения определенных значений;

2. Когнитивный уровень, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся индивидуально в более или менее систематизированную языковую картину мира, отражающую иерархию ценностей. Когнитивный уровень устройства языковой личности и ее анализа предполагает расширение значения и переход к знанию, то есть охватывает интеллектуальную сферу личности, давая исследователю выход через язык, через процессы говорения и понимания;

3. Прагматический уровень включает цели, мотивы, интересы, установки и интенции языковой личности. Этот уровень обеспечивает закономерный и обусловленный переход от оценок речевой деятельности к осмыслению речевой действительности в мире [Караулов 2010, цит. по Варламова, 2017].

Исследователь также предлагает способ полного описания языковой личности в целях ее анализа или синтеза. В нём выделяются следующие уровни:

а) характеристика семантико-строевого уровня организации языковой личности (т.е. либо исчерпывающее его описание, либо дифференциальное, фиксирующее лишь индивидуальные отличия и осуществляемое на фоне усредненного представления данного языкового строя);

б) реконструкция языковой модели мира, или тезауруса данной личности (на основе произведенных ею текстов или на основе специального тестирования);

в) выявление жизненных или ситуативных доминант, установок, мотивов языковой личности, находящихся отражение в процессах порождения текстов и их содержания, а также в особенностях восприятия чужих текстов.

Также отмечается, что данные уровни хоть и связаны между собой, их связь неоднозначная и на основании информации одного уровня нельзя делать выводы относительно другого. Для перехода от одного уровня к другому нужна некоторая дополнительная информация, а её отсутствие приводит к ошибкам в исследовании. «Попытки прямых, не опосредованных

дополнительной информацией умозаключений от одного уровня к другому при оценке языковой личности приводят к псевдознанию, псевдопониманию данной личности». [Караулов, 2010].

В 1999 г. В.И. Карасиком была предложена система описания языковой личности с позиции языкового сознания и речевого поведения. Им были выделены следующие аспекты:

- Языковая способность как органическая возможность научиться вести речевое общение (критерий включает в себя психические и соматические особенности человека);

- Коммуникативная потребность, то есть адресатность, направленность на участников общения, коммуникативные условия, языковой коллектив;

- Коммуникативная компетенция как выработанная способность и готовность к взаимодействию;

- Языковое сознание как активное вербальное «отражение во внутреннем мире внешнего мира»;

- Речевое поведение как неосознанная система поступков, раскрывающих личные качества и образ жизни человека [Карасик, 1999].

Отличие концепции В.И. Карасика от модели Ю.Н. Караулова состоит в том, что последняя предполагает иерархию планов – от низшего (вербально-семантического) к высшему (прагматическому), а модель В.И. Карасика основывается на принципе взаимодополненности трех аспектов, что, в свою очередь, предполагает невозможность установления между ними иерархических связей [Карасик 2002].

Г.И. Богин предложил свою модель языковой личности, которую он называет лингводидактической. Исследователь в своих трудах говорит об уровнях развитости языковой личности или же о пяти уровнях владения языком:

1. Уровень правильности, предполагающий наличие достаточно большого лексического запаса, знание основных строевых закономерностей

языка и позволяющий строить высказывание и продуцировать тексты в соответствии с правилами данного языка.

2. Уровень интериоризации, включающий умения реализовать и воспринимать высказывания в соответствии с внутренним планом речевого поступка.

3. Уровень насыщенности, выделяемый с точки зрения отраженности в речи всего разнообразия, всего богатства выразительных средств языка в области фонетики, грамматики и лексики.

4. Уровень адекватного выбора, оцениваемый с точки зрения соответствия используемых в высказывании языковых средств в сфере общения, коммуникативной ситуации и ролям коммуникантов.

5. Уровень адекватного синтеза, учитывающий соответствие порожденного личностью текста всему комплексу содержательных и коммуникативных задач, положенных в его основу.

Лингвокультурологический подход к изучению языковой личности получил наибольшее распространение, что связано с активным становлением одноименного направления в лингвистике в конце XX – начале XXI в. В лингвокультурологическом аспекте «языковая личность существует в пространстве культуры, отраженной в языке, в формах общественного сознания на разных уровнях (научном, бытовом и др.), в поведенческих стереотипах и нормах, в предметах материальной культуры» [Воробьев 2011].

Языковая личность является основным объектом изучения такого раздела лингвистической науки как лингвоперсонология. Идеи лингвоперсонологии восходят еще к работам Бодуэна де Куртенэ, А.А. Потебни, а также Ф.И. Буслаева и П.О. Афанасьева, разработывавших лингводидактическое направление. Так, обращая внимание на особенности личности учеников, Ф.И. Буслаев писал: «Родной язык так сросся с личностью каждого, что учить оному значит вместе с тем и развивать духовные способности учащегося» [Буслаев, 1876, цит. по Салахова, 2015].

П.О. Афанасьев создал типологию личностей учащихся, выделив описательный, наблюдательный, чувствующий и формальный типы учеников [Афанасьев, 1914, цит. по Фалина, 2000].

Разработка лингвоперсонологии как теории языковой личности в лингвистике берёт своё начало с исследования самой языковой личности. Первым о появлении нового направления заявил В.П. Нерознак в статье «Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины» [Нерознак, 1996]. Позднее, в начале XXI века начинает разрабатываться понятийно-терминологический аппарат направления, методика исследования и теоретическая база.)»

Возникнув на пересечении когнитивной лингвистики, социолингвистики и лингвопсихологии, лингвоперсонология имеет целью изучение гендерных, профессиональных, ментально-психологических особенностей языковой личности и ее типов в данных аспектах, однако перед ней стоит ряд ещё не решенных задач. Так, Е.В. Иванцова указывает на методологические трудности изучения языковой личности, связанные как с выбором исследуемого объекта, так и с методами сбора и анализа исследуемого материала. Обобщая имеющиеся по этому поводу наблюдения, исследователь выделяет следующие методологические трудности:

- 1) Выбор исследуемого объекта (Ввиду бесчисленного множества личностей)
- 2) Сбор материала (Трудоёмкой задачей является запись естественных, непринужденных текстов в условиях контакта собирателя с представителями сообществ, членом которых он не является, и в ситуации открытой фиксации речи)
- 3) Анализ материала (Осложняет выбор методов многогранность объекта исследования, трудности в разграничении социальных и индивидуальных детерминант речи) [Иванцова, 2008]

И.В. Башкова представила подробный обзор научных школ, работающих в русле лингвоперсонологии. Представим их концепции.

Среди школ лингвоперсонологии является уникальным примером Томская диалектологическая школа, ведущая на протяжении тридцати лет многолетнее многоаспектное изучение конкретной диалектной языковой личности. С 1981 года томские лингвисты описывают речь носителя сибирских старожильческих говоров В.П. Вершининой. В 1994 году в Томском университете началась работа над «Полным словарем диалектной языковой личности», в последние годы лингвисты Томска разрабатывают новые типы идиолектных словарей.

Кроме того, в таких сибирских городах, как Барнаул и Кемерово лингвисты многое сделали для развития лингвоперсонологии как в плане генерирования новых идей, так и в объединении усилий работающих в этом направлении ученых из разных регионов России. В Барнауле и Кемерове издано несколько коллективных монографий, учебных пособий, сборников научных статей и материалов конференций, которые вносят весомый вклад в разработку теоретических оснований новой науки.

Наиболее яркой отличительной чертой барнаульских и кемеровских исследований является разработка положений о лингвоперсонологическом функционировании и лингвоперсонологической вариативности языка [Башкова, 2018].

Речевое портретирование как метод описания языковой личности становится все более востребованным в современной лингвистике.

Единого определения термина «речевой портрет» нет. Т.П. Тарасенко определяет речевой портрет как «совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определённого социума в отдельно взятый период существования», и выделяет ряд характеристик личности, отражающихся в речевом портрете: возрастные, гендерные, психологические, социальные, этнокультурные и лингвистические [Тарасенко, 2007].

Е.А. Бабушкина в статье определяет речевой портрет как «воплощенную в речи языковую личность, объединенную с другими

личностями в одну социальную общность (национальную, демографическую, профессиональную и т.п.)» [Бабушкина, 2012].

Выдвинутая в середине 60-х гг. XX в. М.В. Пановым идея описания фонетического портрета положила начало дальнейшим исследованиям [Крысин 2001]. В его монографии «История русского литературного произношения XVIII-XX вв.» были описаны фонетические портреты политических деятелей, писателей и ученых (С.Н. Марина, Петра I, М.В. Ломоносова, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, В. Н. Яхонтова, А.А. Реформатского, А.А. Вознесенского и др.) [Панов, 2002]. М.В. Панов обосновывает свой выбор социальными и социокультурными соображениями, учитывая принадлежность к тому или иному поколению, социальному слою, следование в речи определенной культурной традиции (театральной, поэтической, бытовой и т.п.), наличие локальных речевых особенностей [Седов, 1993]. Таким образом, хотя задача данных портретов заключалась в описании отдельных личностей, они также выявили особенности речи общественной среды, которой принадлежал портретируемый.

Идею М.В. Панова развивали такие ученые, как М.В. Китайгородская, Л.П. Крысин, Н.Н. Розанова. В дальнейшем наряду с фонетическим уровнем языка стали изучаться лексические, синтаксические, морфологические особенности, а также тактики речевого поведения отдельной личности [Варламова, 2017].

Т.М. Николаева ставит вопрос о построении таких речевых или, в ее терминологии, социолингвистических портретов, в которых был бы компонент, характеризующий тактику речевого поведения: выбор одних элементов (из пар или ряда вариантов) и употребление их в речи в зависимости от условий общения и неупотребление, осознанное или подсознательное отвержение других [Николаева, 1991].

В отличие от М.В. Панова, Л.П. Крысин предпринял попытку составления коллективного речевого портрета, взяв для описания целый

социальный слой – современную русскую интеллигенцию [Крысин 2001]. Отмечая множественность и неоднородность объекта рассмотрения, Л.П. Крысин выделял два класса лингвистических и социокультурных характеристик, специфичных для слоя интеллигенции:

1) особенности в наборе языковых единиц (главным образом, фонетических и лексико-семантических);

2) особенности в речевом поведении представителей интеллигенции [Крысин, 2001].

Систематизация работ, посвященных речевому портретированию в современной лингвистической науке, находит отражение в исследовании О.Н. Варламовой [ссылка хоть на монографию, хоть на диссертацию]. В рамках настоящего исследования мы решили дополнить данную классификацию и провели анализ работ, посвящённых теме речевого портретирования, за последние пять лет (с 2015 по 2020гг) .

С позиции **масштаба** исследования нами было замечено преобладание описаний коллективных портретов над индивидуальными (Т.А. Фетисова, Е.А. Бабенкова, О.Е. Аграшева, С.С. Вдовиченко, Н.Г. Архипова), другими словами, наблюдается тенденция выделения общих характеристик, свойственных той или иной группе общества. При всем внимании к индивидуальности интерес ученых в первую очередь привлекают те черты языковой личности, которые несут в себе признаки групповой.

Например, Т.А. Фетисова в своей работе провела анализ речевого портрета китайской языковой личности и выявила характерные черты этого портрета: вежливость, динамичность в общении, короткие промежутки между репликами. Л.Н. Селиверстова и В.Э. Ковалёв в своём исследовании охарактеризовали коллективный речевой портрет современной студентки, сделав акцент на используемых речевых стратегиях [Селиверстова, Ковалёв, 2016]. В работе О.В. Фасенко, в которой исследователь ставила целью проанализировать лингвистические черты, реализующиеся на фонетическом

уровне, объектом изучения стали представители современной молодёжи [Фасенко, 2018].

Как правило, при анализе языковой личности исследователи уделяют внимание какому-либо одному **аспекту**. Так, И.А. Губарь исследует речевой портрет литературных героев на основе синтаксических особенностей романа «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака. Своеобразие синтаксического строя речи помогает дать определенное представление о конкретной языковой личности и представить фрагмент ее речевого портрета [Губарь, 2015]. Е.А. Бабенкова и О.Е. Аграшева же ставили целью рассмотреть роль гендерного фактора в конструировании речевого портрета современного политика [Бабенкова, Аграшева, 2018]. Речевому портрету политика также посвящена работа А.А. Горностаевой, в которой целью явилось выяснение совместимости иронии и политического дискурса и изучение влияния использования ироничных высказываний [Горностаева, 2016].

Речевые портреты также различаются по реальному и вымышленному **объекту** исследования. Вымышленным объектом исследования может стать литературный персонаж или персонажи, встречающиеся в произведениях определенного автора. Например, в работе С.С. Тахтаровой и Д.В. Павлова проводится анализ речевого портрета главного героя романа «Доктор болен» Эдвина Прибоя, с акцентом на коммуникативном поведении личности, которое соотносится с его языковой картиной мира [Тахтарова, Павлов, 2019]. «Реальный» объект исследования же можно наблюдать в работе О.М. Снегирёвой, Т.С. Талалай, посвящённой описанию портрета политического лидера, федерального канцлера Германии А. Меркель на основе ее новогодних обращений к немецкому народу [Снегирёва, Талалай, 2019].

Различия также существуют и на уровне формы **материала исследования**: это может быть как запись звучащей речи, так и письменно оформленная речь. Пример последнего наблюдается в работе Л.Н. Селиверстовой и А.А. Левицкой, посвящённой речевому поведению

российских медиакритиков на материале публицистических статей [Селиверстова, Левицкая 2016]. В уже упомянутой нами работе Л.Н. Селиверстовой и В.Э. Ковалёва исследования проводились также на письменном материале – эссе студенток. Устный материал исследования чаще всего мы можем встретить в анализе речи политиков; например, в работе Д.Б. Гарифуллиной, в которой исследователь сопоставляет роль языка в формировании речевого портрета политического лидера в России и в США [Гарифуллина, 2019].

Изучив труды по исследуемой теме за последние пять лет, мы можем заключить, что современная лингвоперсонология располагает обширным набором параметров для составления речевого портрета. Выбор параметров зависит от целей, преследуемых исследователем, характера материала исследования (письменная или устная речь), объекта, области исследования и других факторов.

1.2. Понятие социальной и коммуникативной роли в лингвистике

Понятие роли в современном обществе может пониматься в широком смысле как описание ограниченного множества действий, выполняемых кем-то или чем-то в рамках определённого процесса, как стереотипное поведение, ожидаемое от человека, занимающего определённую позицию (или статус) в социальной структуре, в тех или иных типовых ситуациях взаимодействия.

В психологической энциклопедии даётся следующее определение: роль – это устойчивый комплекс форм поведения, соответствующий определенной функции личности в социальных отношениях. Человек как общественное существо вступает с другими людьми в разнообразные отношения (межличностные, политические, экономические, профессиональные и др.), выступая таким образом носителем различных ролей [Степанов, 2005].

И.Б. Стернин называет ролью «определённую типовую модель поведения людей, принятые в общества правила поведения и общения для

определённых стандартных ситуаций» [Стернин, 2015]. Роли в современных гуманитарных науках подразделяются на социальные и коммуникативные.

Понятие «социальная роль» является одним из самых «нагруженных» в современной науке, отражает совокупность социально определяемых атрибутов и ожиданий, связанных с определенными социальными позициями, и относится к числу наиболее важных для понимания социального поведения индивидов и отдельных групп [Саралиева, Балабанов, Кузьмина, 2011].

Впервые определение социальной роли было дано американским социологом Р. Линтоном в 1936 г. в книге «Исследование человека» [Линтон, 1934]. Он рассматривал социальную роль как динамическую сторону социального статуса, его функцию, связанную с набором норм, в соответствии с которыми должна вести себя в определенных ситуациях личность.

В настоящее время трактовка этого термина близка к первоначальному определению. Так, в современной социологии и социопсихологии понятие социальной роли в самом общем виде трактуется как нормативные формы поведения коммуникантов в той или иной конкретной ситуации [Кон, 1967; Крысин, 2004; Шибутани, 2002]. И.С. Кон определяет понятие социальной роли как «нормативно одобренный обществом образ поведения, ожидаемый от каждого, занимающего данную социальную позицию» [Кон, 1967: 23]. Л.П. Крысин отмечает широкое понимание данного термина с позиции социологии и социопсихологии: «Разные формы общественного поведения человека называют его социальными (или функциональными) ролями» [Крысин, 2004]. По Т. Шибутани «понятие социальной роли можно сформулировать как ожидание, предъявляемое обществом к личности, занимающей тот или иной статус» [Шибутани, 2002].

В словаре социолингвистических терминов сформулированное следующее определение социальной роли: «Нормативно одобренный обществом образ поведения, ожидаемый от каждого, занимающего данную

социальную позицию» [Кожемякина, 2006]. «Социальная роль – это модель поведения личности, направленная на выполнение прав и обязанностей, соответствующих принятым нормам и обусловленная статусом» [Челдышова, 2009]. И.А. Стернин трактует социальную роль как поведение человека, обусловленное тем, кем он на самом деле является в обществе [Стернин, 2015]. Социальная роль человека проявляется в его действиях, которые определяются профессией, родом деятельности, полом, возрастом и реальными отношениями людей в обществе [Варламова, 2017]. Социальные роли имеют стандартизированный, безличный характер, основываются на правах и обязанностях, независимо от того, кто является исполнителем роли.

В качестве рабочего определения для данного исследования мы будем опираться на трактовку И.А. Стернина, поскольку в ней делается акцент на зависимость поведения человека от положения его в обществе, другими словами от его социального статуса.

Социальную роль следует отличать от социального статуса. Социальный статус, как уже было замечено ранее, это определённое положение человека в обществе [Филиппова, 2011]. Социальный статус в определенной степени обуславливает ролевые отношения коммуникантов: зная социальный статус коммуникантов, можно с определенной долей вероятности прогнозировать их ролевые функции и способы их выражения.

Социальные роли могут иметь различные основания для классификации [Зеленков, 2015]:

- в зависимости от социального статуса, профессии, вида деятельности мы можем выделить роль учителя, ученика, продавца;
- по институциональным признакам (имеющим отношение к институтам – например, брака, семьи): роли матери, дочери, жены;
- по социально-демографическим признакам – роль мужа, жены, дочери, сына, внука;
- по биологическим – роль мужчины и женщины.

Собственную **систему социальных ролей** разработал американский социолог Толкотт Парсонс [Парсонс, 1951, цит. по Зеленков, 2015]. Он делил виды ролей согласно четырех основных характеристик:

По масштабу роли (то есть по диапазону возможных действий):

- широкие (роли мужа и жены подразумевают огромное количество действий и разнообразное поведение);
- узкие (роли продавца и покупателя: дал деньги, получил товар и сдачу, сказал «спасибо», еще пара возможных действий и, собственно, все).

По способу получения роли:

- предписанные (роли мужчины и женщины, молодого человека, старика, ребенка и т.д.);
- достигаемые (роль школьника, студента, работника, сотрудника, мужа или жены, отца или матери, и т.д.).

По уровню формализации (официальности):

- формальные (на основе правовых или административных норм: работник полиции, госслужащий, чиновник);
- неформальные (возникшие стихийно: роли друга, «души компании», весельчака).

По мотивации (согласно потребностям и интересам индивида):

- экономические (роль предпринимателя);
- политические (мэр, министр);
- личные (муж, жена, друг);
- духовные (наставник, воспитатель);
- религиозные (проповедник).

По степени актуализации выделяются латентные (не актуализированы в данный момент) и активные (актуализированные) роли; по уровню идентификации личности с ролью – личностно значимые и личностно нерелевантные, т.е. второстепенные, дистанцированные от роли. В структуре социальной роли немаловажный момент – ожидание окружающими определенного поведения от человека согласно его статусу. В случае

невыполнения или своей роли предусмотрены различные санкции (в зависимости от конкретной социальной группы) вплоть до лишения человека его социального статуса [Зеленков, 2015].

Таким образом, социальная роль выступает в качестве единственно возможного, конкретного, обязательного поведения для личности. Такой обязательный элемент коммуникации, как информация, в разном социальном преломлении получает разную квалификацию [Воробьев, 2010]. Поэтому мы будем подразумевать под понятием «социальная роль» модель поведения, обусловленную социальным статусом личности.

В то время как *социальная роль* соответствует истинному статусу коммуниканта в социуме или в определённой ситуации, существует роль, которая создаётся самим коммуникантом непосредственно в момент общения для достижения некоторой цели – это *коммуникативная роль*.

Существуют различные определения понятия «коммуникативная роль».

В учебном пособии по социологии С.В. Бориснёва коммуникативная роль трактуется как определенное поведение в определенной ситуации и является сопряжённой с социальным статусом [Бориснёв 2003]. Н.К. Кравченко определяет коммуникативную роль как параметр персонального и институционального дискурса, сложный лингвокоммуникативный феномен, ориентированный на активацию определенного компонента в языковом и коммуникативном сознании участников общения [Кравченко, 2012].

По определению И.А. Стернина коммуникативная роль – принятое для той или иной социальной роли коммуникативное поведение; образ, который создается человеком в процессе общения для достижения определенной цели [Стернин, 2015]. Данное определение, сформулированное И.А. Стерниным, принято рабочим в данной курсовой работе, так как в нём коммуникативная роль отражается как совокупность вербальных и невербальных действий и внешнего облика коммуниканта, создающих определённый образ.

Возможности реализации коммуникативных ролей шире социальных, и выбранная определённым коммуникантом коммуникативная роль не обязательно совпадает с его социальной ролью. Н.К. Кравченко выделяет две группы факторов, влияющих на социальную роль: «а) относительно статическими – типом коммуникативной ситуации с фиксированным набором переменных: социальными (социальный статус, тип социальных отношений), культурными (традиции), личными (возраст, пол, психологический тип) характеристиками интерактантов; б) факторами ролевой динамизации (встречной ролью, учетом коммуникативного поведения собеседника, изменений локального контекста, экстралингвистических ситуативных факторов, влияющих на ход общения)» [Кравченко, 2012].

Коммуникативные роли складываются из определенных действий, а их выбор, смена, умение убедительно их исполнить (проситель, беспомощный, маленький человек, крутой, знаток, решительный и мн. др.) составляют одну из сторон искусства речевого воздействия отдельной личности [Формановская, 2007]. Осознанность определённого коммуникативного поведения делает целесообразным рассматривать именно коммуникативную роль в рамках предпринятого исследования.

Исполнение коммуникативной роли дает человеку возможность воздействовать на окружающих в нужном ему направлении. Для того, чтобы достичь поставленных целей, человек и примеряет на себя ту или иную роль. Таким образом, с целью реализации ряда воспитательных функций, коммуникативная роль «отца» может выполняться дедушкой, старшим братом, учителем и т.п. Это подразумевает, инициативные коммуникативные роли – как кратковременные, так и долговременные – являются средствами речевого воздействия, кратковременного или долговременного, соответственно. Одна и та же личность способна «проигрывать» такой набор ролей, как «преподаватель», «мама», «ученый», «сестра», «кума», «член жилищного кооператива», «душа компании» [Кравченко, 2012]. Роли

выбираются и исполняются людьми сознательно, для достижения определенной цели [Стернин, 2001].

Для достижения эффективности в общении необходимо уметь выбрать подходящую для ситуации коммуникативную роль и правильно ее исполнить [Правиков, 2007]. Необходимо также менять коммуникативные роли с изменением ситуации: не всегда уместно старшему брату выполнять социальную роль «отца». Подразумевается, что не только отец может стать ролевой моделью в семье: с этой ролью с успехом может справиться дедушка, старший брат, дядя.

Изучая коммуникативные роли, исследователи подходили к предмету исследования с различных позиций. По типам ролевой коммуникации Е.Ф. Тарасов [Тарасов, 1979] выделяет следующие группы ролей:

а) по признаку определенности, фиксированности ролевой структуры – роли нормированные и ненормируемые;

б) по признаку соблюдения / несоблюдения социальных (этических) норм – роли, санкционированные обществом, и несанкционированные;

в) по признаку типичности для данного общества: роли стандартные и нестандартные

Л.С. Патрушева [Патрушева, 2011] в своей статье «Коммуникативные роли участников интернет-форума» разделяет коммуникативные роли на три вида, исходя из:

А) выполняемой функции (на форуме)

Б) коммуникативного статуса (совокупности стабильных коммуникативных параметров субъекта)

В) коммуникативной функции

Таким образом, она выделяет кратковременные коммуникативные роли (по коммуникативному статусу и по коммуникативной функции) и долговременные (по функции, выполняемой на форуме).

Распространенной типологией коммуникативной роли также является распределение ролей на статусные, позиционные и ситуационные [Герхард, 1980]:

1) Статусная роль характеризует относительно постоянный статус коммуниканта, который он имеет от рождения как принадлежность к определенному полу, вероисповеданию, этносу;

2) Позиционная роль соответствует месту человека в обществе (профессии, социальному статусу);

3) Ситуационная роль вариативна и зависит от конкретной ситуации [Ильюшенко, 2011].

Также существует классификация Г. Сакса [Сакс, 1992], разработанная в ракурсе задач конверсационного анализа. Исследователь выделяет:

а) категориальные идентичности (роли): демократ, знакомый, врач, учитель, пациент;

б) оперативные идентичности (роли): заботливая мать, добрая хозяйка;

в) реляционные или «семейные» идентичности (роли): мать – дочь, муж – жена.

Коммуникант может выполнять различные роли, одновременно являясь целостной личностью [Вахтин, 2004]. Так, например, политик может выступать в роли Отца, Лидера, Опекуна по отношению к нации, а может и в буквальном смысле выступать в роли Отца по отношению к своим детям (за такой ролью Отца можно понаблюдать, например, в имиджевых интервью, в которых участвует вся семья политика или отдельные ее члены).

Опираясь на изученные классификации, мы можем определить место коммуникативной роли отца в ряду других коммуникативных ролей. Так по Е.Ф. Тарасову, она является **нормированной, санкционированной** обществом, **стандартной**. По Л.С. Патрушевой, она может считаться как **долговременной** (если социальная роль совпадает с коммуникативной), так и **кратковременной** (если они не совпадают). По классификации У. Герхардт:

коммуникативная роль отца может относиться как к **позиционным**, так и к **ситуативным**.

1.3. Изучение роли отца в гуманитарных науках

1.3.1. Изучение семейного общения с позиции гуманитарных наук

С позиции социологии вплоть до второй половины 20-го века исследования в области детско-родительских отношений велись преимущественно в рамках диады «мать-ребёнок» и лишь в конце 1970-х гг. роль отца стала предметом изучения [Старостина, 2008]. Причиной этому послужили стереотипы общества, предполагавшие, что уход за детьми и их воспитание являются исключительно женскими обязанностями.

Ю.В. Немировская [Немировская, 2007] и М.Е. Ившина в своих работах опирались на изменения системы социальных ролей женщины, в частности – на изучение формирования социальной роли матери. М.Е. Ившина выделила типы принятия социальной роли матери: тревожный, игнорирующий, адекватный [Ившина, 2012].

И.В. Шадрина в своей работе отмечает, что в то время как женщины осознанно принимают роль «хорошей матери», посвящают этому жизнь и переживают, если не могут в ней реализоваться достойным образом [Шадрина, 2017], отцы предпочитают тактику невмешательства во внутренние дела семьи, уклоняясь от воспитания детей и выполняя лишь традиционную роль мужа (под которой понимается преданность матери детей, обеспечение экономической безопасности и защиты семьи, поддержание семейной власти, принятие решений, контроль [Набойченко, Фокина, 2012]), а не отца (участие в жизни детей, формировании их личностей). В связи с этим «родительство» в целом почти стало синонимом понятия «материнство» [Старостина, 2008].

С позиции лингвистики семейное общение сравнительно недавно стало предметом исследования, и наибольший вклад в изучение этой проблематики

внесли российские ученые (А.Н. Байкулова, Я.Т. Рытникова, А.В. Колмогорова).

Я.Т. Рытникова [Рытникова, 1996] в своём исследовании акцентирует внимание на роли быта в изучении семейной речи, отмечая непринужденность бытовой речи носителей литературного языка. Другими словами, она замечала, что семейная речь часто опирается на текущую ситуацию, в ней прослеживается отрывистость словесного оформления сообщений. Однако это не отражается на понимании участниками друг друга, поскольку их речь опирается на общий быт, общий социально-культурный опыт. Лингвистические исследования данного общения охватывают широкий круг проблем. Так, Е.В. Бондаренко [Бондаренко, 2007] провела семиотическое рассмотрение общей структуры и коммуникативных явлений в семейном общении, изучив субъекты семейного общения в горизонтальном (коалиции внутри семьи, все дети, все бабушки и дедушки и т.д.) и вертикальном (иерархическом) измерениях, а также происходящие с этими измерениями изменения (жизненный цикл семьи).

В.С. Анохина рассмотрела специфику речевого общения в семьях разных типов, выявив основные речевые тактики, используемые участниками общения, способы их реализации и языковые выражения. Самыми распространенными тактиками она назвала тактику согласия/несогласия, поучения, оценки, оправдания, молчания, смены темы, упрека, угрозы, привлечения внимания [Анохина, 2010].

По А.Н. Байкуловой семейная коммуникация характеризуется иерархическим устройством, традиционным распределением семейных ролей: мать/жена – воспитательница детей и хранительница очага, отец/муж – глава семьи и добытчик. А.Н. Байкулова также рассматривала в антропоцентрическом ракурсе общение семей, исследуя номинацию бытовых предметов с сохранением установки на внимание к языковой личности [Байкулова, 2009].

Неформальное семейное общение также было предметом исследования Д.И. Яхиной, которая провела анализ образных средств (метафор и сравнений) в ситуации семейного общения. Она отмечала реализацию воспитательной функции с помощью использования метафор и сравнений и выделяла основные проявляющиеся речевые тактики: похвалы, упрека, приглашения к совместному действию, молчания, нападения, смены темы [Яхина, 2015].

С.А. Рисинзон и Э.С. Ветрова занимались изучением речевого этикета в семейном общении на материале английского языка [Рисинзон, 2009], украинского и лезгинского [Ветрова, 2016]. Ими были рассмотрены семантика и коммуникативные особенности этикетных высказываний в семейном общении, а также выявлены этнокультурные особенности.

Роль матери наиболее часто становилась предметом исследования лингвистики. А.В. Колмогорова в своей монографии «Мамин язык. Практики материнского общения» [Колмогорова, 2013] исследовала диаду «мать-ребёнок» с позиции когнитивного подхода и выделила основные когнитивные стратегии (демонстрирующая, иницилирующе-подкрепляющая, формирующая, демонстрирующе-формирующая), под которыми подразумеваются стратегии выбора способов концептуализации в сознании ребёнка тех или иных социокогнитивных матриц, регламентирующих взаимодействие внутри русского лингвокультурного сообщества.

О.Н. Варламовой был составлен полный речевой портрет женщины в социальной роли матери и выявлены универсальные, типичные и окказиональные особенности проявления данной роли, а также «сильная» и «слабая» версии речевого портрета в данной роли [Варламова, 2017].

В рамках социальной и гендерной психологии отцовство исследуется как социальная роль, статус, как один из элементов других феноменов, таких, как гендерные стереотипы, формирование социальных, гендерных ролей, ролевой конформизм, принятие или непринятие этнических, культурных, гендерных стереотипов [Латышева, 2012].

С. Барт рассматривает отца как единственного взрослого в жизни ребёнка, который может организовать его жизнь, дифференцировать и интегрировать в общество. Отец – фигура, транслирующая социальные нормы и обеспечивающая связь поколений [Барт, 2000].

Ю.А. Латышева выделила следующие важнейшие функции, выполнения которых требует роль отца:

1. Отец как кормилец,
2. Отец как защитник,
3. Отец как воспитатель.

Она также добавляет, что мужчина несет персональную ответственность перед обществом не только за себя и членов своей семьи, но и за любого ребенка, которому он стал наставником ввиду отсутствия отца. Отец не только прививает нормы и правила поведения, но и во многом может вносить вклад в профессиональный выбор ребенка, расширяя его кругозор, занимаясь каким-либо совместным делом [Латышева, 2012].

Таким образом, роль отца является одной из важнейших ролей, влияющих как на развитие нового поколения, так и на развитие личности самого отца. Несмотря на важность и длительную историю роли, она достаточно мало регламентирована обществом. Фактически предписания по её выполнению и представление о ней в целом исходят лишь из социальных стереотипов, которые зачастую оказываются противоречивы.

Существуют два аспекта роли отца – традиционный и новый: так называемое «новое отцовство» [Латышева, 2012]. Если прежде отца отличала обособленность, изолированность от семейных отношений, стремление заботиться лишь об экономической стабильности семьи, то «новые» отцы стали признавать свою ответственность в воспитании своих детей.

Так, **социальная роль отца** заключается в обеспечении защиты и безопасности своим детям, в том, чтобы быть наивысшим авторитетом в оценке детьми своих действий, в навыках соблюдения иерархии.

Что касается коммуникативной роли отца, так это то, то она связана с заботой о детях, их психическом, физическом и эмоциональном состоянии, с контролем за их поведением.

С позиции лингвистики отцовская речь уже становилась предметом изучения. О.Н. Шалифова в своём исследовании, базировавшемся на материале общения британских семей, указала на возможности косвенного и прямого проявления статуса отца, которое реализуется посредством использования в речи определенных тактик и стратегий. Социальный статус отца в данном случае проявляется посредством реализации коммуникативной роли отца, другими словами, статус, социальная роль и коммуникативная будут совпадать [Шалифова, 2013].

Прямое проявление статуса наблюдается в непосредственном общении с детьми: при этом реализуются информационная (тактики заботы и участия) и регулятивная (императивные тактики) стратегии. Тактики заботы и участия выражаются при помощи особых именовании при обращении к детям, а императивные тактики – в виде приказа, команды, распоряжения или инструкции [там же].

Таким образом, речевое поведение отцовской фигуры обусловлено воспитательными задачами и демонстрацией ролевого превосходства.

1.3.2. Изучение роли отца в английской и французской культуре

Прежде чем приступить к непосредственному анализу материала, необходимо обозначить нынешнюю ситуацию в определении роли отца в английской и французской культуре.

В настоящий момент в европейских странах наблюдается растущий интерес к исследованию отцовства в связи с необходимостью пересмотра традиционных гендерных ролей в семье, и эта ситуация характерна для обеих рассматриваемых культур.

Исследователь М. Сельвини в своей статье «Старые и новые отцы» выделяет авторитарный и демократический типы отцов: первый соответствует патриархальной системе общества. Такой отец сохраняет эмоциональную дистанцию с детьми и является для них авторитетом, полностью переключая на женщин (матерей, бабушек, старших сестёр) заботу о детях и их обучение, при этом оставляя за собой последнее слово во всех решениях. Этот тип продолжает сменяться демократическим: нагляднее всего этот процесс наблюдался в течение 1970-х годов, тем самым повлияв в большей степени на поколение, родившееся в 1950-х и 1960-х годах. В связи с этим поколение отмечалось антиавторитарной, анти-мачо, психологизирующей концепцией [M.Selvini, 2001].

Как сообщает Л. Кинг в своей книге «Family Men: Fatherhood and Masculinity in Britain, 1914-1960», концепт «хорошего» отцовства стал по-новому рассматриваться в конце межвоенного периода: выполнение роли отца лишь как кормильца семьи переставало быть достаточным. Это, наряду с новым психологическим акцентом на воспитание детей, означало, что роль отцов в семейной жизни становилась значимее. Хотя такие обязанности отцовства, как развлечение детей, их обеспечение, воспитание, и базовая поддержка, наблюдались и в предыдущие и последующие периоды, значение самой роли изменилось [L.King, 2015].

Исследователь-бихевиорист М. Ланкинен замечает, что, несмотря на существенный сдвиг в распределении семейных ролей, матери по-прежнему больше взаимодействуют с детьми, чем отцы, и берут на себя большую часть ответственности за организацию жизни детей. Она объясняет это существованием стереотипа о том, что отцы менее компетентны как родители, по сравнению с матерями. Остаётся аксиомой утверждение, что мать является главной фигурой в жизни ребенка. «Матери и отцы – дети своего времени, и они растут в культуре, которая изначально возлагает разные надежды на матерей и отцов» [M.Lankinen, 2018].

Согласно исследованиям, проведённым в 1997 г. Л. Бургес, Л. Кларк, Н. Кронин, отец в современной британской семье действительно больше не может играть роль исключительно кормильца, поскольку семья с двумя кормильцами стала нормой в обществе, и вклад матерей в семейный доход увеличился. Исследования также показывают, что и отцы, и матери сейчас проводят больше времени, чем предыдущие поколения, заботясь о своих детях. Тем не менее, матери не только по-прежнему уделяют этому больше времени, чем отцы, но и остаются ответственными за большинство домашних обязанностей даже в тех семьях, в которых оба родителя работают полный рабочий день [L.Burghes, L.Clarke, N. Cronin, 1997].

Психолог Ивон Даллер в своей статье замечает, что роли, а с ними и функции, отца и матери абсолютно разные и один не может заменить другого. Нельзя сводить роль отца к функции «помощь матери», поскольку в таком случае истинная роль отца остаётся непредставленной. Отец должен развивать полноценные отношения со своим ребенком и выполнять уникальную роль, обеспечивая баланс. Функцией отца он называет отделение ребёнка от матери. Другими словами, он должен вмешиваться между матерью и ребенком, чтобы позволить ребенку развить свою идентичность. Со стороны матери ребёнок получает полное внимание и разрешение на что-либо, а со стороны отца – наоборот, запреты, чтобы научиться пониманию допустимых границ [Y.Dallaire, 2012].

Согласно опросу IFOP, проведенному Alliance VITA, почти три четверти французов (73%) также считают, что роли отца и матери разные и взаимодополняющие по сравнению с меньшинством (27%), которое считает их идентичными и взаимозаменяемыми. Большинство также было убеждено, что отсутствие отца сказывается на развитии и будущей жизни ребёнка: с этим согласилось 89% опрошенных [Les Français et la paternité URL: <https://www.alliancevita.org/wp-content/uploads/2019/07/sondage-francais-paternite-ifop-alliance-vita-juin-2018.pdf> (дата обращения: 3.03.20)].

Таким образом, в большинстве исследований, посвященных изучению влияния отцов на их детей, сравнивались семьи, в которых отец отсутствовал, с семьями, где он присутствовал, вместо того, чтобы сравнивать разные степени участия отца. С этим же связана недостаточность исследования отцовства с точки зрения лингвистики – изучения отцовской речи в адрес ребёнка, а также составления его речевого портрета.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

1) Под социальной ролью мы понимаем модель поведения, обусловленную социальным статусом личности. Эта роль соответствует истинному статусу коммуниканта в социуме или в определённой ситуации. Роль же, которая создаётся самим коммуникантом непосредственно в момент общения для достижения некоторой цели – коммуникативная.

2) Коммуникативная и социальная роли могут как совпадать, так и не совпадать, так как вторая определяется фактическим социальным статусом, в то время как первая зависит непосредственно от коммуникативной ситуации, в которую попадают участники общения: участники могут сами решить следовать той или иной модели поведения (роли), т.е. коммуникативная роль это своеобразная «маска», которую можно примерить на себя.

3) Одним из методов исследования языковой личности является описание речевого портрета. У речевого портрета как предмета исследования могут быть различные параметры: их выбор зависит от целей, преследуемых исследователем, характера материала исследования (письменная или устная речь), объекта, области исследования и других факторов.

4) Центральным предметом изучения семейного общения долгое время была роль матери (как социальная, так и коммуникативная), а внимание учёных было направлено на диadu «мать-ребёнок». Стереотипы о распределении родительских ролей (при которых роль мужа, а не отца оказывалась ведущей) обуславливали недостаточную изученность роли и статуса отца с позиции лингвистики. Однако сейчас, когда наблюдаются изменения в традиционном распределении ролей и участие отца в жизни ребёнка признаётся необходимым наравне с участием матери.

5) В настоящий момент в европейских странах наблюдается растущий интерес к исследованию отцовства в связи с необходимостью пересмотра традиционных гендерных ролей в семье. Традиционно функциями отца являлись дидактическая, связанная с обучением и воспитанием, и

контролирующая, регулирующая поведение и действия ребёнка. Стоит отметить, что теперь отец не воспринимается единственно как кормилец, защитник и глава семьи, не задействованный в воспитании детей. Эта ситуация характерна как для французской, так и для английской культуры.

ГЛАВА 2. ЯЗЫКОВЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕЧИ МУЖЧИНЫ В КОММУНИКАТИВНОЙ РОЛИ ОТЦА

2.1. Характеристика исследовательского корпуса

Материалом исследования послужили фрагменты общей продолжительностью 8 часов 34 минуты из 24 художественных семейных фильмов на французском и английском языках. Для анализа использовались реплики персонажей, выполняющих коммуникативную роль отца, непосредственно направленные на ребёнка.

У персонажей, не являющихся родными отцами персонажей-детей, под реализацией коммуникативной роли отца мы понимали выполнение дидактической и контролирующей поведение функций, свойственных родителю: так, в частности, для фильма «The Christmas Miracle of Jonathan Toomey» справедливо применять анализ к репликам мистера Туми, занимающегося обучением мальчика и прививающему ему его собственные ценности, такие как, например, важность сохранения молчания при работе.

Таблица 1. Английский исследовательский корпус

	Название фильма	Год релиза	Человек, выполняющий коммуникативную роль отца	Пол ребёнка	Возраст ребёнка
1	The Secret Garden	1993	Дядя	д	~10-12 лет
2	Billy Elliot	2000	Родной отец	м; м	11 лет; ~20 лет
3	Love, actually	2003	Отчим	м	~10 лет
4	The Christmas Miracle of Jonathan Toomey	2007	Мужчина, не являющийся родным отцом (сосед ребёнка)	м	10 лет
5	Millions	2007	Родной отец	м; м	7 лет; 9 лет
6	I Know You Know	2008	Родной отец	м	~10-12 лет
7	Toast	2010	Родной отец	м	с 9 лет (и позднее)
8	Broken	2012	Родной отец	д	11 лет

	Название фильма	Год релиза	Человек, выполняющий коммуникативную роль отца	Пол ребёнка	Возраст ребёнка
9	Having you	2013	Родной отец	м	7 лет
10	Paddington	2014	Родной отец	м; д	~8-10 лет
11	Goodbye Christopher Robin	2017	Родной отец	М	~8-10 лет
12	Paddington 2	2017	Родной отец	м; д	~8-10 лет

Таблица 2. Французский исследовательский корпус

	Название фильма	Год релиза	Человек, выполняющий коммуникативную роль отца	Пол ребёнка	Возраст ребёнка
1	Le Jouet	1976	Мужчина, не являющийся родным отцом (подчинённый отца); Родной отец	м	~10-12 лет
2	Les Compères	1983	Мужчины, предположительно являющиеся родными отцами	м	~16-18 лет
3	La Gloire de mon père	1990	Родной отец	м	~10 лет
4	Mon Père Ce Héros.	1991	Родной отец	д	14 лет
5	Le petit Nicolas	2009	Родной отец	м	~7 лет-10 лет
6	Intouchables	2011	Родной отец	д	~15-16 лет
7	La guerre est déclarée	2011	Родной отец	м	1,5 года
8	Nos plus belles vacances	2012	Родной отец	д; д	~11-14 лет
9	Ma première fois	2012	Родной отец; Отчим	м; д	~16-17 лет
10	Le père Noël	2014	Мужчина, не являющийся родным отцом	м	~8-10 лет
11	Demain tout commence	2017	Родной отец	д	~8-10 лет
12	Juillet Août	2017	Родной отец	д; д	~14-17 лет

2.2. Языковые особенности речи мужчины в коммуникативной роли отца

2.2.1. Просодические особенности отцовской речи

В ходе анализа речевого материала мы выделили наиболее релевантные просодические изменения в речи мужчины в коммуникативной роли отца, проявляющиеся в ситуациях общения с ребёнком.

На основе имеющегося материала мы выделили основные коммуникативные ситуации, наблюдающиеся в общении отца и ребёнка чаще всего.

Выделенные ситуации следующие:

- конфликтная; может наблюдаться в форме диалогической перепалки отца и ребёнка или монологического высказывания отца: в большинстве случаев, выражающего запрет на ту или иную деятельность ребёнка.

- воспитания, обучения, формирования ценностей и привычек; наблюдается либо самостоятельным высказыванием отца на ту или иную тему, либо предоставлением отцом объяснения на вопрос ребёнка.

- убеждения, уговаривания; имеет схожую цель с конфликтной ситуацией – изменить решение ребёнка или повлиять на него, однако не содержит в себе агрессии.

Первый речевой фрагмент содержит в себе монологическое высказывание отца с отчётливо агрессивным выражением запрета сыну:

1) Listen, Son, from now on you can forget about the bloody ballet. You can forget about the bloody boxing as well. I'm busting my ass for those 50 pence, and you're.... No! From now on, you stay here and look after your nana, got it? Good (Послушай, сын, с этого момента можешь забыть о чёртовом балете. И о чёртовом боксе тоже. Я надрываюсь ради этих 50 пенсов, а ты... Нет! С этого момента ты будешь сидеть дома и приглядываться за бабушкой, понял?)

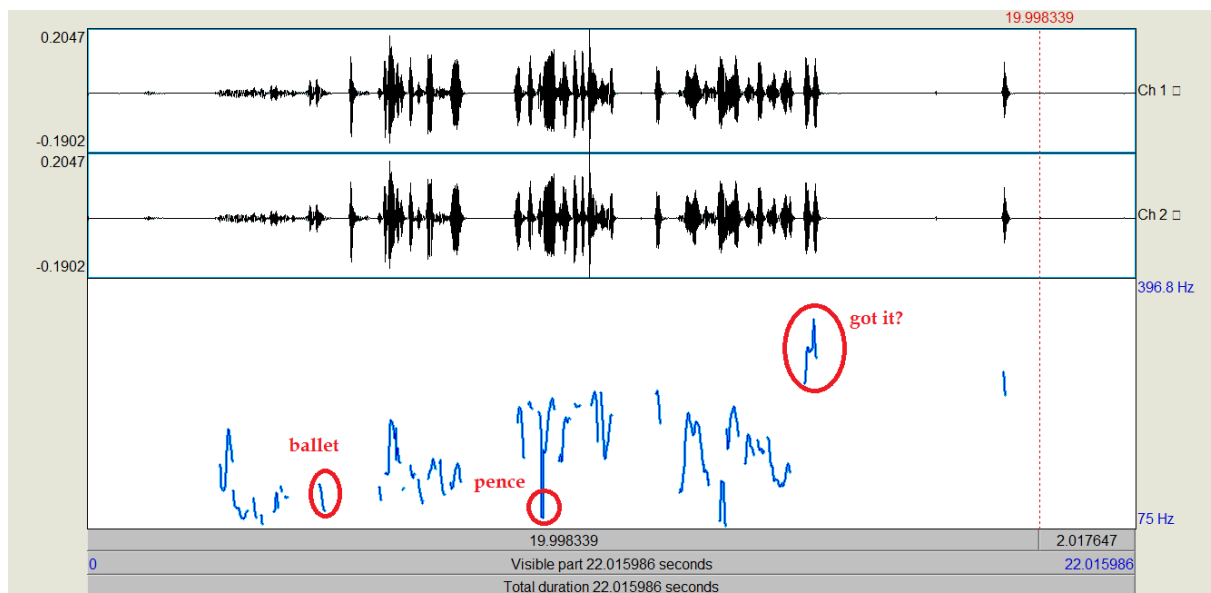

Рисунок 1. Графическое сопровождение фразы 1

Как видно на представленном рисунке, для монологического высказывания отца в конфликтной ситуации характерна высокая степень амплитуды колебания частоты тона. Минимальное значение ЧОТ во фразе составляет 76.14 Гц, а максимальное – 347.6 Гц. Стоит заметить, что средним показателем ЧОТ для мужского голоса составляет 80 до 210 Гц, то есть в ситуации конфликта отец заметно превышает этот показатель, демонстрируя эмоционально негативное отношение к поступку ребёнка, но не к нему самому, что видно по выделенным интонационно лексическим единицам, указанным на рисунке 1.

Интонационно отец выделяет следующие лексические единицы: *ballet*, *pence*, *got it*, тем самым обозначая ключевые понятия в своём высказывании: балет и деньги как причина недовольства ситуацией и вопросительное *got it* с повышающейся интонацией как маркер поддержания контакта с сыном и ожидания обратной связи в ответ на высказывание. На первые две лексические единицы приходится понижение тона (в том числе максимальное), что и характеризует наличие недовольства.

Для ситуации убеждения характерен сравнительно ровный тон и использование пауз между репликами, аргументирующими точку зрения отца.

2) *Even better. Sam, you've got nothing to lose and you'll always regret it if you don't. I never told your mum enough. I should have told her every day because she was perfect every day. You've seen the films, kiddo. It ain't over till it's over* (Так даже лучше. Сэм, ты ничего не потеряешь. И ты будешь жалеть, если не сделаешь это сейчас. Я недостаточно раз говорил это твоей маме. Я должен был говорить ей это каждый день, потому что каждый день она была идеальна. Ты видел фильмы, малыш. Ещё не всё потеряно).

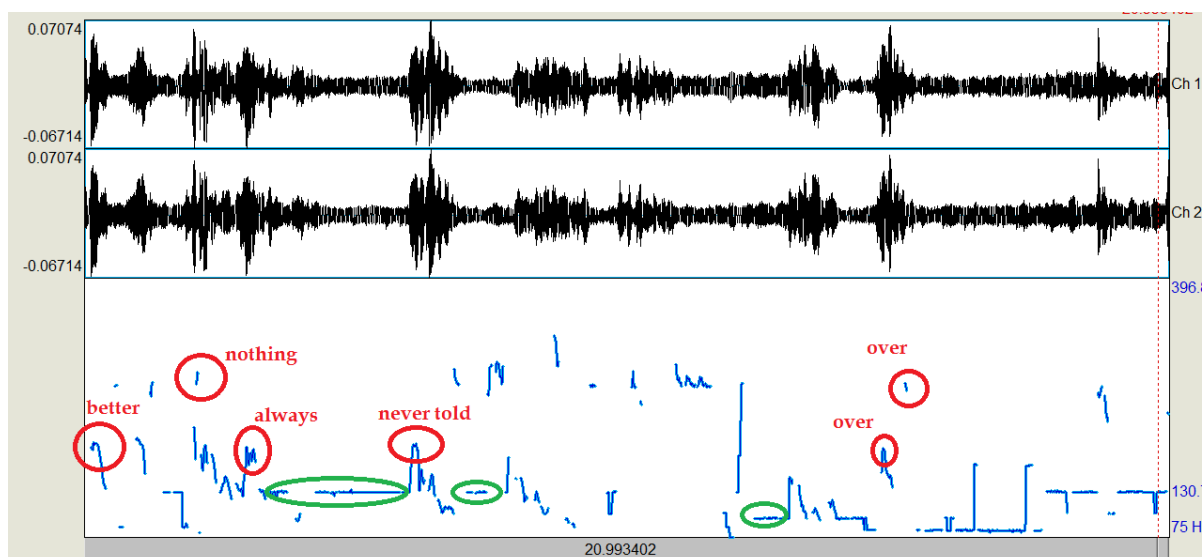

Рисунок 2. Графическое сопровождение фразы 2

На рисунке зелёным цветом отмечены используемые отцом паузы в высказывании, чтобы дать ребёнку услышать и воспринять сказанное: первая пауза составляет 2 секунды, две последующие – 1 секунду. Другими словами, для ситуации убеждения для отца важнее не столько высказаться (как, например, в ситуации конфликта – о своём недовольстве) самому, сколько убедиться в успешности донесения информации до ребёнка и ожидания от него ответа, подтверждения, что отец был услышан.

Частота тона ровная, за исключением выделенных интонационно следующих лексических единиц: *better, nothing, always, never told, over*. Данные единицы непосредственно участвуют в реализации цели отца – убеждения ребёнка сказать о чувствах. Так, отец подчёркивает выигрышность ситуации прилагательным в сравнительной степени *good*, использует отрицательное местоимение *nothing* и наречие частотности *always* с семантикой максимальности, абсолютности, убеждая ребёнка в необходимости действовать именно сейчас. Смысловой глагол *tell* раскрывает тему убеждения отца – рассказать о чувствах.

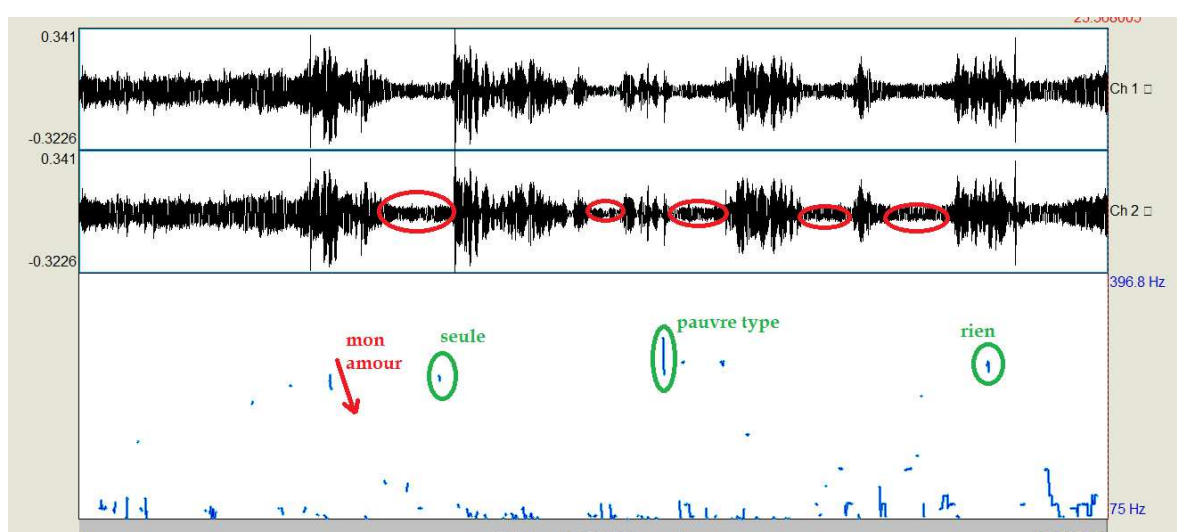

Рисунок 3. Графическое сопровождение фразы 3

В материале на французском языке мы наблюдаем ту же тенденцию расстановки интонационных пауз, разбивающих целое высказывание на более короткие, удобные для восприятия фразы.

3) *Tout ce que j'ai fait dans ma vie, c'est pour toi, mon amour. Tu es ma seule bonne raison de continuer. Tu comprends? C'est un pauvre type. Il ne peut rien t'apporter. Ce n'est rien. Pense à tout ce que tu perdrais, avec lui* (Всё, что я когда-либо делал, было для тебя, моя любовь. Ты моя единственная причина продолжать. Понимаешь? Этот ничтожный тип. Он не сможет тебя содержать. Подумай обо всём том, что ты потеряешь, уйдя с ним).

В данном примере стремление отца разбить высказывание на короткие отрезки, придавая тону большую убедительность, также наглядно проявляется в выборе простых предложений с одной предикативной частью (например, *Tu comprends?* или *Ce n'est rien*).

Интонационно отцом выделяются прилагательное *seule*, демонстрирующее исключительность ребёнка в глазах отца, прилагательное *pauvre* и отрицательное местоимение *rien*, как уничижительные характеристики человека, к которому стремится сбежать ребёнок. Ласковое обращение *mon amour* интонационно выделяется понижением тона до минимального на этом участке 74.7 Гц.

Для ситуации воспитания или обучения характерна слабая амплитуда колебания частоты тона:

4) *You ought not to hold your knife and fork like that* (Не держи нож и вилку так)

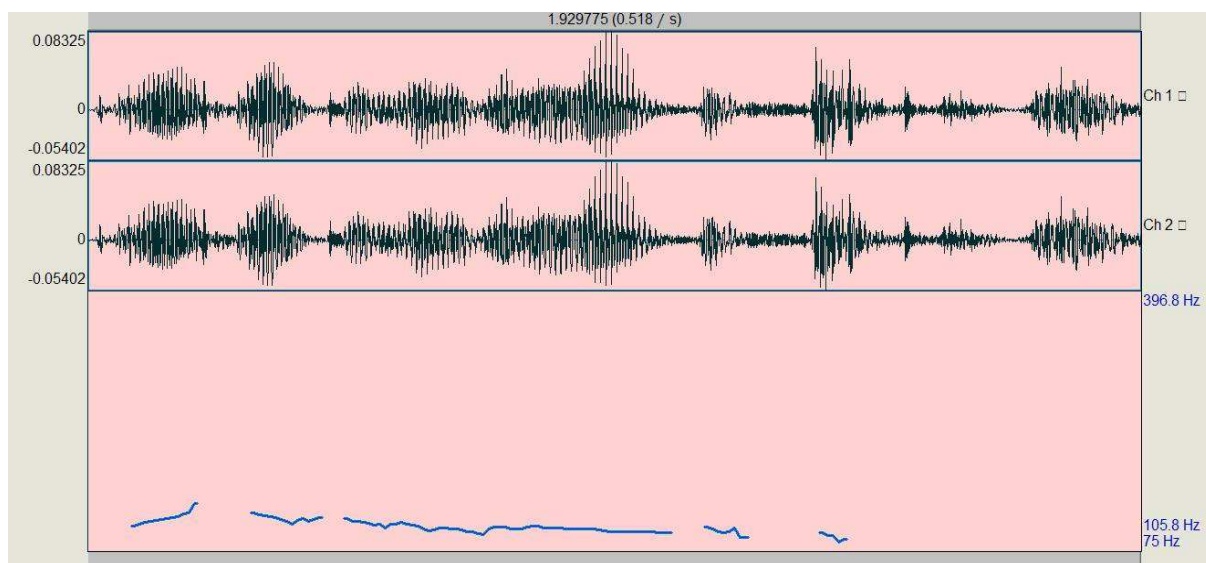

Рисунок 4. Графическое сопровождение фразы 4

Минимальный ЧОТ для данного фрагмента составляет 86,6 Гц, а максимальный — 134,7 Гц. То есть в дидактических ситуациях общения отец сохраняет ровный тон на протяжении высказывания, оставаясь нейтральным.

На рисунке выше также можно заметить ниспадающую интонацию к концу фразы. Лексические единицы в данном примере интонационно голосом не выделяются.

Таким образом, мы заметили следующие характеристики речи отцов:

- сильная амплитуда колебаний тона и интонационное выделение ключевых слов в конфликтных ситуациях;
- интонационные паузы и выделение ключевых слов в ситуациях убеждения/уговаривания;
- слабая амплитуда колебаний тона и невыделение ключевых слов в ситуациях воспитания/обучения.

2.2.2. Лексические особенности отцовской речи

Проанализировав материал исследования, мы определили, прежде всего, языковые особенности проявления коммуникативной роли отца. Среди них мы выделяем лексические и грамматико-синтаксические особенности.

Для описания языковых проявлений коммуникативной роли отца на уровне лексики мы выделили несколько тематических групп, которые встречаются у большинства рассмотренных фрагментов. Под тематическими группами слов мы понимаем «объединения слов, основывающиеся не на лексико-семантических связях, а на классификации самих предметов и явлений» [Филин, 1982].

Можно выделить следующие лексико-тематические группы, свойственные речи отца: *выражение оценки, время, контроль и воспитание, сон, развлечения и игра, чувства и настроение.*

Первая группа включает в себя лексические единицы, используемые отцами для оценки действий ребёнка, а также выражающие согласие или несогласие с их корректностью. Групп представлена в основном наречиями образа действия и качественными прилагательными. В неё входят следующие лексические единицы: *good (хороший), well (хорошо), great (отлично), wrong (неправильно), hardly (едва ли), obviously (очевидно), clearly (ясно), seriously (серьёзно), terrible (ужасный), naïve (наивный), impolite (невежливый), rude (грубый), bad (плохой), important (важный), proud (горд),*

foolish (глупый), *doubtly* (сомнительно), *perfect* (идеальный), *naturally* (естественно), *agree/disagree* (согласен/не согласен), *stupid* (тупой), *wasted* (зря), *très bien* (отлично), *mal* (плохо), *horrible* (ужасный), *pas bon* (плохо), *poli* (вежливый), *super* (отлично), *genial* (прекрасно), *mauvais* (плохой), *à peine* (напрасно), *évidemment* (очевидно), *clair* (ясно), *important* (важно), *stupide* (глупо), *idiot* (идиотски), *d'accord/pas d'accord* (согласен/не согласен).

Выделить эту группу нам позволяет одна и функций коммуникативной роли отца – регулирующая поведение. Давая оценку действиям ребёнка, отец побуждает его изменить их:

5) ***Get back in there! Don't be so stupid!*** (*Вернись! Не глупи!*)

или наоборот – поощряет продолжать:

6) ***Oh, that's great! Way to go! I'm proud of you!*** (*Отлично! Так держать! Горжусь тобой!*)

В примере 5 оценка действия ребёнка отрицательная – *stupid* – соответственно, смысловой глагол *get back* призывает к корректировке поведения. В примере же 6 оценка положительная, выражена сразу двумя лексическими единицами: прилагательными *great* и *proud*.

Важно заметить преобладание использования лексических единиц, выражающих негативную оценку действий ребёнка (соотношение 2:1 для обоих языков). Это говорит о склонности отцов контролировать поведение ребёнка посредством запретов, а не предоставлением эмоциональной мотивации.

Следующая лексико-тематическая группа – время. Лексические единицы из данной группы используются отцами не только для того, чтобы сообщить о фактической информации о времени (например, который сейчас час), но также отражают их отношение к ходу времени и скорости действий ребёнка. К ней относятся следующие лексические единицы: *hurry up* (*торопиться*), *time* (*время*), *back then* (*тогда*), *times* (*времена*), *when* (*когда*), *while* (*пока*), *hours* (*часы*), *slow* (*медленный*), *now* (*сейчас*), *faster* (*быстрее*), *fast* (*быстро*), *wait* (*погоди*), *a few minutes* (*несколько минут*), *late* (*поздно*), *in*

a little while (немного позже), *a year* (год), *years ago* (год назад), *just a moment* (момент), *keep up* (идти в ногу), *maintenant* (сейчас), *slow down* (тормозить), *se dépêcher* (спешить), *le temps* (время), *quand* (когда), *l'heure* (час), *la montre* (часы), *lentement* (медленно), *attendre* (ждать), *quelques minutes plus* (ещё пару минут), *un peu* (немного), *un instant* (миг), *les années* (годы), *en retard* (опаздывая).

С помощью лексических единиц отцы информируют ребёнка о времени или фактах, связанных с определённым временным промежутком:

7) *That was sixteen years ago, you weren't born then* (Это было шестнадцать лет назад, ты ещё не родится тогда);

8) *Cela fait deux heures* (Уже два часа прошло)

Контролируют и регулируют скорость передвижения ребёнка и выполнения им действий. Как правило, для контроля используется глагол в повелительном наклонении:

9) *Dépêche-toi, ou nous partirons sans toi* (Поторопись, а то без тебя уедем).

Третья выделенная лексико-тематическая группа включает в себя лексические единицы, используемые отцами во время воспитательных наставлений. Для этой группы характерно количественное преобладание глаголов, в частности – отражающие модальность и обозначающие перцепцию: *have to, will, should, must, would, promise, never, ever again, always, dare (not), try, listen, remember, look, oublier, ne pas oser, s'excuser, interdit, devoir, maintenant, écouter, comprendre, regarder, arrêter*. Также можно отметить здесь использование императивов.

10) *And remember, being smart isn't enough, you have to be the smartest!* (Запомни, быть умным недостаточно, нужно быть самым умным!)

В приведённом примере отец наставляет ребёнка стараться сильнее, чем тот уже делает, что выражается через модальный глагол *have to* со значением необходимости, обязанности, смыслового глагола *be* в начальной форме и качественного прилагательного *smart* в превосходной степени.

Усиливается эмоциональное воздействие сказанного глаголом *remember* в повелительном наклонении.

11) *Arrête de pleurer maintenant ! (Сейчас же прекрати плакать!)*

В примере 11 отец недоволен поведением ребёнка и приказывает перестать так себя вести: на это указывает смысловой глагол *arrêter* в повелительном наклонении и усиливает – наречие времени *maintenant*.

Лексические единицы следующей лексико-тематической группы не многочисленны, однако сама тема наблюдается в анализируемом материале достаточно часто (в 15 из 24 фильмов). Для группы «сон» характерны глаголы: *fall asleep* (засыпать), *sleep* (спать), *go to bed* (идти в кровать), *a night* (ночь), *late* (поздно), *wake up* (просыпаться), *early* (рано), *dreams* (сны), *dormer* (спать), *s'endormir* (засыпать), *se coucher* (ложиться), *se réveiller* (просыпаться), *tôt* (рано), *la nuit* (ночь), *tard* (поздно).

Стоит отметить замеченную тенденцию отцов «отправлять спать», чтобы избежать разговора или его закончить, тема же наоборот пробуждения встречается крайне редко:

12) *Demain sera une journée difficile, va te coucher (Завтра трудный день, иди спать)*

13) *Je connais ton problème, je connais ton point de vue, mais tu dois te coucher tôt pour ton développement (Я понимаю твою проблему, твою точку зрения, но тебе нужно ложиться рано, чтобы хорошо расти)*

В примере 13 отец призывает ребёнка закончить дискуссию и отправиться наконец спать, используя в речи параллелизм с повторяющейся предикативной частью *je connais*, необходимый для придания словам убедительности.

14) *Let's talk tomorrow, okay? Brush your teeth and go to bed (Поговорим завтра, ладно? Иди чистить зубы и спать)*

В данном примере наиболее наглядна тема избегания разговора отца с ребёнком. Нежелание говорить скрывается под якобы воспитательным наставлением: формально оба предложения содержат в себе повелительное

наклонение (*let's = let us, brush, go*) и не дают ребёнку оспорить отцовские слова, несмотря на то, что *let's* в первом подразумевает значение предложения/приглашения.

Следующая лексико-тематическая группа также не разнообразна лексическими единицами, хотя тема развлечения и игры напрямую связана с детьми, а значит, встречается и в речи отца. По большей части группа представлена производными от *jouer* (*играть*), *play* (*играть*) и *game* (*игра*): *un jouet* (*игрушка*), *s'amuser* (*развлекаться*), *jouer* (*играть*), *le football* (*футбол*), *le jeu* (*игра*), *a toy* (*игрушка*), *have fun* (*веселиться*), *play* (*играть*), *a game* (*игра*), *tennis* (*теннис*), *chess* (*шахматы*).

Малое разнообразие объясняется редким участием отца в играх ребёнка или неучастием в них вовсе. Встречаются ситуации, когда играющий ребёнок отвлекает отца от дел и даже выводит из себя:

15) *Va jouer ailleurs. Nicolas ! Nicolas, tu m'entends ? Je vais casser cette chose* (*Поиграй в другом месте. Николя! Николя, ты меня слышишь? Я сейчас сломаю эту штуку*)

Раздражение отца выражается угрозой через смысловой глагол *casser* в *Futur Proche*.

Кроме этого, можно отметить использование лексических единиц из этой группы в контексте порицания неподобающе детского поведения:

16) *Stop being so childish. I'm not playing right now!* (*Хватит вести себя так по-детски! Я сейчас не играю!*)

Можно сделать вывод, что для отцов более характерно относиться к ребёнку «на равных», призывать его к серьёзному, «взрослому» разговору, а не потакать желанию развлекаться и играть.

Последняя выделенная лексико-тематическая группа, включающая лексические единицы на тему чувств и настроения, в большей степени актуальна только для материала на французском языке: *sentiments* (*чувства*), *se sentir* (*чувствовать себя*), *ressentir* (*чувствовать*), *l'humeur* (*настроение*), *la joie* (*радость*), *décevoir* (*разочаровываться*), *triste* (*грустный*), *se réjouir*

(радоваться), *la peur* (страх), *fier* (гордиться), *s'inquiéter* (волноваться), *aimer* (любить), *amoureux* (влюбленный), *haïr* (ненавидеть), *adorer* (обожать), *en colère* (в бешенстве), *irriter* (раздражить), *calm* (спокойный), *feel* (чувствовать), *regret* (сожалеть), *upset* (расстроенный), *love* (любить), *like* (нравиться) и устойчивая вопросительная конструкция *how are you (doing)* (как ты).

Отцы-британцы, когда интересуются чувствами ребёнка, склонны использовать нейтральные лексические единицы и конструкции, сами же эмоции называются редко:

17) *How do you feel?* (Как себя чувствуешь?)

18) *How are you today?* (Как ты сегодня?)

19) *You're upset, aren't you?* (Ты расстроен, да?)

Отцы-французы же говорят о чувствах с детьми куда чаще (тема чувств раскрывается в 10 из 12 фильмов) более открыто, называя не только эмоции ребёнка, но и свои собственные:

20) *Et toi aussi, tu vas tomber amoureux quand tu seras grand* (И ты тоже однажды полюбишь, когда вырастешь)

21) *Je suis fier de toi et je t'aime, mon fils* (Я горжусь тобой и люблю тебя, мой сын)

22) *N'aie pas peur !* (Не бойся!)

23) *Tu ne me décevras jamais, rappelle-toi !* (Ты никогда меня не разочаруешь, помни!)

Помимо лексических единиц из названных лексико-тематических групп в речи отца частотно употребление апеллятивов, с помощью которых осуществляется обращение и привлечение внимания ребёнка как участника коммуникации. Нами были выделены случаи именных и нарицательных апеллятивов. В первом случае в качестве апеллятива выступает имя собственное, т. е. непосредственно имя ребёнка:

24) *Nicolas, qu'est-ce que tu fais?* (Николя, что ты делаешь?),

25) *Tiens, Eric* (Вот, Эрик).

26) *Don't start, Billy (Не начинай, Билли)*

Стоит отметить, что употребляются отцами, как правило, диминутивы:

27) *Come in, Billy, and close the door (Входи, Билли, и закрой за собой дверь) – Billy вместо William*

28) *Hey, Sammy, can't sleep? (А, Сэмми, не спится?) – Sammy вместо Samuel*

Их использование объясняется стремлением проявить дружелюбие по отношению к собеседнику и передать близость отношений.

Полная же форма имени используется в исключительных ситуациях, когда от ребёнка требуется быть серьёзным:

29) *So, what's the problem, Samuel? (Итак, в чём дело, Сэмюэль?)*

Так, в примере 29 отец использует полную форму имени сына, чтобы настроить его на важный разговор и убедить быть с ним искренним в обсуждении причин изменений в поведении ребёнка. Отец предполагает, что это связано со скорбью по матери, потому выбирает серьёзный тон.

Как было сказано ранее, апеллятивная функция также реализуется нарицательными существительными, выражающими отношение говорящего к говорящему. На основе материала были выделены две группы нарицательных апеллятивов: с положительной эмоциональной окраской и с нейтральной.

К первой группе можно отнести следующие употребления апеллятивов: *mon coeur (моё сердце), mon chéri (мой дорогой), ma petite fille (моя доченька), mon garçon (мой мальчик), mon petit (мой малыш), my child (моё дитя), kiddo (малыш)*; ко второй: *fils (сын), fille (дочь), gamin (пацан), gars (парень), boy (мальчик), daughter (дочь), son (сын)*. Количественно нейтральные нарицательные и именные апеллятивы встречаются чаще положительных нарицательных, т.е. отцам, как правило, не свойственно открытое проявление нежности к ребёнку, вероятнее проявление «товарищества». Здесь же можно выделить, что в большинстве реплик роль апеллятивов играют личные местоимения «you» и «tu», обращённые к детям.

Они занимают соответственно первую и вторую позицию по частотности встречаемости в речи отца.

Также можно заметить тенденцию, согласно которой для выражения положительного отношения к ребёнку используются притяжательные местоимения (*ta, ton, tu*) как показатель связи, родства между отцом и ребёнком. Кроме того, представленные нейтральные наименования являются фактическими, а не образными (как в случае с *ton coeur* обозначениями ребёнка в зависимости от их реального статуса в семье (*fille, fils, son*), пола (*gars, boy*) или возраста (*gamin, kiddo*).

2.2.3. Грамматические особенности отцовской речи

Важным элементом речи отцовской фигуры является группа модальных глаголов. Модальные глаголы способны выразить в рамках своей семантики не собственно состояние или действие, что характерно для обычных глагольных единиц, а именно отношение к этим действиям или состояниям определенного лица, обозначаемого в речи существительным либо местоимением и выполняющим функцию подлежащего в предложении. Тем самым производится своего рода семантическая модификация значения основного или базового глагола. В речи отца наблюдается использование всех четырех модальных единиц французского языка, выражающих семантику возможности/необходимости: *pouvoir, devoir, savoir, vouloir* и девяти – английского языка: *can (could), must, have to, will (would), need, shall, should, had better, ought to*.

Начнём с анализа единиц французского языка. Глагол *pouvoir* предполагает три оттенка семантического значения:

- (не)способности к действию:

30) *Je ne peux pas te garder* (*Я не могу тебя содержать*) = «я не способен тебя содержать»; реализуется с помощью глагола *pouvoir* в

настоящем времени с негативными частицами *ne...pas* и смыслового глагола в инфинитиве.

- разрешения на действие:

31) *Oui, tu peux aller avec eux* (Да, ты можешь пойти с ними) = «я разрешаю тебе пойти с ними»; реализуется с помощью утвердительного *oui*, глагола *pouvoir* в настоящем времени и смыслового глагола в инфинитиве.

- возможности действия (используется в Conditionnel):

32) *Pourrais-tu venir à moi ?* (Не мог бы ты подойти ко мне?) – реализуется с помощью глагола *pouvoir* в форме Conditionnel Présent и смыслового глагола в инфинитиве.

Второй глагол, *devoir*, может также иметь три семантических оттенка:

- необходимости:

33) *Un enfant, on doit le mériter* (Ребёнка нужно заслужить) ;

В примере 33 необходимость выражается с помощью модального глагола *devoir* в настоящем времени и личного местоимения *on*, как указание на правдивости высказывания для всех.

- обязанности:

34) *Tout d'abord tu dois passer tes examens* (Прежде всего, ты должен сдать экзамены) ;

Значение обязанности здесь выражается с помощью глагола *devoir* в форме второго лица единственного числа с местоимением *tu* и смысловым глаголом в инфинитиве.

- максимальной вероятности:

35) *Tu dois être assez grand pour comprendre* (Должно быть, ты уже достаточно взрослый, чтобы понять).

В примере 35 значение реализуется с помощью личной формы глагола *devoir*, инфинитива *être*, качественного прилагательного *grand* с наречием меры и степени *assez*. Выражается предположение о достаточном возрасте ребёнка для понимания ситуации.

Третий глагол, *savoir*, выражает способность к определённому действию, знание, как его нужно совершать:

36) *Et je te parie que tu ne saurais pas écrire "ermite" ! (Я даже уверен, что ты не знаешь, как пишется слово «отшельник»!).*

Значение реализуется глаголом *savoir* в форме Conditionnel Présent с отрицательными частицами *ne...pas* и смысловым глаголом в инфинитиве, демонстрирующими неумение ребёнка писать определённое слово.

Наконец, *vouloir* выражает:

- реальное намерение, желание:

37) *Et je ne veux plus voir ton mec (И я не хочу больше видеть твоего парня);*

Реализуется глаголом *vouloir* в настоящем времени с отрицательными частицами *ne...plus* и смысловым глаголом *voir*

- возможное намерение, желательность:

38) *Je voudrais t'avouer (Я бы хотел тебе признаться).*

В примере 38 намерение отца выражается с помощью формы Conditionnel Présent.

Теперь обратимся к модальным единицам английского языка.

Так же, как и французское *pouvoir*, *can* предполагает ряд семантических значений:

- разрешения на действия

39) *Yes, you can (Да, можно) = «я разрешаю тебе это»; реализуется с помощью утвердительного *yes* и глагола *can* в настоящем времени.*

- (не)способности к действию

40) *I can't take him out of it (Я не могу вытащить его оттуда) = «я не способен это сделать»; реализуется глаголом *can* и отрицательной частицы *not**

- возможности действия

41) *Could you give me that?(Можешь дать это мне?)*

Возможность выражается глаголом *can* в прошедшем времени и смысловым глаголом *give*.

Также нужно отметить несвойственное глаголу семантическое значение приказа/побуждения, появляющееся в эмоционально окрашенных ситуациях:

42) *You can forget about the bloody ballet!* (Можешь забыть о чёртовом балете!) = «Забудь о балете!». Даёт нам понять наличие указанного значения повышенный тон говорящего, интонационное ударение на смысловом глаголе *forget* и прилагательное *bloody* с яркой негативной коннотацией.

Следующий модальный глагол – *must*. Семантическое значение этого глагола, реализованное в речи отца, это обязательство/необходимость.

43) *You must remember her in your prayers* (Вспоминай о ней в молитвах); реализуется с помощью глагола *must* и смыслового глагола *remember*.

Однако стоит отметить относительную редкость использования глагола *must* для выражения долга/обязательства по сравнению с модальным глаголом *have to*:

44) *The woods will have to wait* (Лесу придётся подождать)

45) *And you will never have to dress up as Christopher Robin* (И тебе не придётся больше наряжаться Кристофером Робинотом)

В примере 45 к семантическому значению *have to* также прибавляется значение обещания, реализованное модальным глаголом *will* и отрицательным наречием *never*.

Следующий анализируемый модальный глагол, уже упомянутый выше, это *will*. Он предполагает следующие семантические значения:

- обещания

46) *And the day will come, it won't be long, when everyone will have forgotten all about Winnie* (Придёт день, очень скоро, когда все забудут о Винни); значение обещания выражается в уточняющем «*it won't be long*»,

необходимом для убеждения ребёнка, в котором модальный глагол *will* используется с отрицательной частицей *not*, вспомогательным глаголом *be* и прилагательным *long*.

- просьбы/приказа

47) *Walk normal, will you? (Иди нормально, а?);* реализуется в составе разделительного вопроса с повелительным наклонением.

- нереальной ситуации (используется в составе Conditionals)

48) *And then they would bleed out all over your breakfast (А потом они истекут кровью и испортят твой завтрак);* значение реализуется прошедшей формой глагола *would* в составе *Second Conditional* со смысловым глаголом *bleed out*.

Would также употребляется в составе глагольного паттерна *would like* с семантическим значением предложения/желания:

49) *I've made a decision and I'd like you to be the first to know (Я принял решение и хотел бы, чтобы ты услышал о нём первый);* значение реализуется глагольным паттерном *would like*, личным местоимением *you* и инфинитивом глагола *be*.

Следующий модальный глагол – *need* с семантическим значением необходимости действия/наличия чего-либо:

50) *Well, we need Kate and we need Leo, and we need them now (Ну, нам понадобятся Кейт и Лео, и прямо сейчас);* реализуется глаголом *need* в настоящем времени, усиливается наречием *now* и троекратным повтором в предложении.

Шестой модальный глагол это *shall* с выраженным семантическим значением предложения/приглашения. Наблюдается в вопросительных предложениях, делающих данное предложение менее настойчивым. Также стоит отметить использование личного местоимения *we* в качестве подлежащего, подчёркивающего совместность итогового решения:

51) *Shall we go for a walk? (А не отправиться ли нам на прогулку?)*

52) *Shall we ask them in? (Пригласим их в дом?)*

Модальный глагол *should* также используется для того, чтобы выразить совет или предложение:

53) *Shouldn't we just run away? (Разве нам не нужно убежать?)*; В данном случае значение предложения выражено отрицательной формой глагола *should* и смысловым глаголом *run away*. Так же, как и в случае с *shall*, используется вопросительное предложение и подлежащее *we*.

Ещё один глагол с семантическим значением совета/предложения – *had better*:

54) *We'd better capture it (Нам стоило схватить его)*; реализуется с помощью личного местоимения *we*, модального глагола *had better* и смыслового глагола *capture*.

Модальный глагол *ought to* встречается в речи отца довольно редко, что объясняется формальностью этого глагола. Необходимость в нём возникает лишь в ситуациях строгого воспитания:

55) *You ought not to hold your knife and fork like that (Не держи нож и вилку так)*; в данном примере модальный глагол *ought to* используется с отрицательной частицей *not* и смысловым глаголом *hold* и выражает семантическое значение запрета.

Помимо модальных глаголов, для отцовской речи характерны глаголы восприятия, перцепции, которые наблюдаются в уточняющих конструкциях, в ситуациях, когда отец хочет обратить внимание ребёнка к чему-то, в случае запрета или побуждения к чему-то.

Уточнение выражается вопросительными конструкциями, дополняющими главное, смысловое предложение. Привлечение внимания происходит посредством апелляции к ребёнку с помощью имени, нарицательного существительного или же самого перцептивного глагола. Запрет или побуждение, как правило, выражается глаголом в императивной форме, зачастую с отрицанием *ne... pas* (см. таблица 3):

Таблица 3. Глаголы перцепции

	Уточнение ситуации	Привлечение внимания ребёнка	Запрет/побуждение
Зрительное восприятие	<i>Alors la façon dont ça s'est passé, tu vois ?</i> (Вот, как это произошло, видишь?)	<i>Très bien, regarde, tu dois me laisser aller</i> (Ладно, смотри, тебе придется отпустить меня)	<i>Regarde ça et dis-moi ce que tu en penses</i> (Посмотри на это и скажи, что думаешь об этом)
Зрительное восприятие	<i>That's it, do you see</i> (Ну вот так, видишь/понимаешь?)	Look! (Смотри!)	
Слуховое восприятие	<i>Non, je ne joue plus maintenant. Tu entends?</i> (Нет, игры кончились. Слышишь?) <i>Can you hear me, boy?</i> (Ты слышишь меня, парень?)	<i>Eric, Eric, est ce que tu m'écoutes ?</i> (Эрик, Эрик, ты меня слушаешь?) <i>Sammy, listen to me, please</i> (Сэмми, выслушай пожалуйста)	<i>Ne l'écoute pas, il veut te provoquer</i> (Не слушай его. Он тебя провоцирует) <i>Listen, Son, from now on you can forget about the bloody ballet</i> (Послушай, сын, с этого момента можешь забыть о своём чёртовом балете)
Осязание и обоняние	<i>Mais tu sens ça, non ?</i> (Но ты чувствуешь это?)	-	<i>Ne touche à rien</i> (Не трогай ничего) <i>Do not touch this !</i> (Не трогай!)

Отцовская речь характеризуется использованием большого количества вопросительных предложений. Традиционно основными функциями вопросительных предложений являются коммуникативно-прагматическая и контактоустанавливающая (функция поддержания контакта). В первом случае речь идёт о запросе на получение необходимой информации:

56) *Qu'est-ce que tu fais ici?* (Что ты здесь делаешь?),

57) *What are you looking at?* (На что ты смотришь?),

а во втором – о поддержании диалога, коммуникации. Здесь можно выделить, например, уточняющие вопросы, демонстрирующие внимание спрашивающего к степени понимания информации собеседником:

58) *Tu ne peux pas rester avec moi. Tu comprends? (Ты не можешь остаться со мной. Понимаешь?).*

В примере 58 уточнение создается при помощи вопроса, обращённого к ребёнку, с использованием глагола *comprendre* в личной форме.

Для английской речи отцов следует отдельно выделить свойственность разделительных вопросов, которые выражают смягчённую форму предложения/просьбы:

59) *You can make do just this once, can't you? (Ты ведь можешь сделать так хоть раз, а?)*

...или служат для подтверждения информации собеседником:

60) *He's tiny, isn't he? (Крохотный, правда?)*

В анализе синтаксических характеристик речи отца также использовалась классификация И.П. Распопова по модальности. Им выделяются три основных типа вопросительных предложений [Распопов, 1984] и все они находят отражение в речи отца.

- Собственно-вопросительные предложения. Такой тип вопроса отца требует в ответе ребёнка конкретного наименования каких-либо неизвестных говорящему объектов, признаков, свойств и других «деталей» обозначаемого события.

61) *T'as fait quoi? Où t'as trouvé ça? (Что ты сделала? Где ты это нашла?).*

В примере 61 собственно вопрос реализуется при помощи вопросительных местоимений *quoi*, *où*, используя которые мужчина ожидает получить в качестве ответа конкретные наименования предмета и места.

62) *How much reward, do you think? (Сколько будет награда, как думаешь?)*

В данном примере вопрос реализуется конструкцией с вопросительным словом *how* и определителем *much*.

- Удостоверительно-вопросительные предложения. Данный тип вопроса предполагает лишь утвердительный или отрицательный ответ ребенка.

63) *Du café? (Будешь кофе?).*

В примере 63 вопрос реализуется с помощью частичного артикля *du* с существительным и вопросительной интонацией. В качестве ответа ожидаемо «да» или «нет» в зависимости от желания или нежелания отвечающего выпить кофе.

- Предположительно-вопросительные предложения, в котором вопрос о чём-либо неизвестном сочетается с предполагаемым ответом, который может быть подтвержден или отвергнут ребёнком в ответе:

64) *Tu voulais faire quoi avec ça? Te tuer? (И что ты хотела сделать? Покончить с собой?).*

Вопрос реализуется через употребление утвердительного предложения с вопросительной интонацией и использованием вопросительного слова *quoi*. Во втором предложении спрашивающий предполагает возможный ответ и высказывает его с помощью возвратного глагола и вопросительной интонации.

Выполняющим коммуникативную роль отца часто используются глаголы в повелительном наклонении, обозначающие:

- побуждение ребёнка к действию, которое может быть выражено:

а) просьбой:

65) *Aide maman (Помоги маме),*

66) *Don't go, please (Не уходи, прошу),*

б) призывом:

67) *Fais la choix (Сделай выбор),*

68) *Tell me (Расскажи мне),*

в) приказом:

69) *Ouvre la porte tout de suite! (Открой дверь сейчас же!),*

70) *Stay right there! (Оставайся там!),*

- осуществление контроля его поведения при помощи:

а) предупреждений:

71) *Essaie et tu le regretteras* (Только попробуй – пожалеешь),

б) запрета:

72) *Ne t'avise plus jamais de faire ça* (Не смей так больше делать),

73) *Don't you dare!* (Не смей!),

- убеждение ребенка:

74) *Crois-moi* (Поверь мне);

75) *Listen to me* (Послушай);

- регулирование эмоционального состояния ребёнка:

76) *Ne t'inquiètes pas* (Не волнуйся) ;

77) *N'aie pas peur* (Не бойся);

78) *Stay calm* (Успокойся);

- привлечение внимания:

79) *Regarde ça!* (Посмотри на это!)

80) *Wait!* (Подожди!).

Помимо повелительного наклонения, в речи отца частотно употребление условного. В «Теоретической грамматике французского языка» В.Н. Бурчинского у условного наклонения выделяются основная функция и вторичные. Основная заключается в выражении эвентуального действия, т.е. потенциального, предполагаемого действие, связанного с определёнными условиями [Бурчинский, 2001].

Реализация основной функции условного наклонения в речи отца представлена в следующем примере:

81) *Et si je gagnais, je m'en irais* (Если я выиграю, я уйду отсюда).

Функция выражается через «классический» пример сложноподчинённого предложения с придаточным условия, на что указывает союз *si* и форма глагола *aller* в *Conditionnel Présent*.

Вторичные же функции условного наклонения следующие: предположение, ослабление реальности, предположение с условно-

уступительным оттенком. В речи отца наблюдаются реализация первой из названных функций:

82) *Ça pourrait être drôle, de faire un journal (Создание журнала могло бы быть весёлым).*

В примере функция выражена модальным глаголом *pourvoir* в форме Conditionnel Présent с инфинитивом *être* и качественным прилагательным *drôle*, характеризующим предположительную ситуацию.

Что касается условного наклонения в английской речи отца, то стоит выделить использование First, Second и Third Conditional. Первые два, относящиеся к настоящему, вероятному или воображаемому будущему, используется в большинстве случаев в качестве совета или угрозы:

83) *You'll always regret it if you don't (Ты будешь жалеть, если не сделаешь этого)*

Функция выражена модальным глаголом *will*, наречием частотности *always* и смысловым глаголом *regret* в главной части, личным местоимением *you* и вспомогательным глаголом *do* с отрицательной частицей *not* – в придаточной. Смысловый глагол отсутствует, но подразумевается.

84) *If someone were to fall through the ceiling, they'd come down right there and be impaled on your fork (Если кто-то провалится через потолок, он упадёт прямо сюда и проткнётся твоей вилкой)*

В данном примере для выражения угрозы, регулирующей поведение ребёнка, используется Second Conditional. В придаточной части предложения подлежащим выступает неопределённое местоимение *someone*, что усиливает нереальность ситуации.

Third Conditional также обладает функцией угрозы/совета, однако используется отцами в речи относительно самих себя, тем самым предостерегая детей от повторения собственных ошибок:

85) *I should have told her every day (Мне следовало говорить ей это каждый день).*

Функция реализуется с помощью модального глагола *should* в составе главной части *Third Conditional*. Придаточная часть отсутствует, но предполагается семантически (*...but I didn't (...но я этого не делал)*). Модальный глагол *should* с общим значением совета/предложения усиливает сожаление говорящего.

2.3. Лингвопрагматический аспект описания речевого портрета отца

Для описания речевого портрета мужчины в коммуникативной роли отца с точки зрения прагматики необходимо ввести новый параметр – тип общения. Типы общения подразумевают выполнение определённой цели, стоящей перед отцом в конкретной коммуникативной ситуации, будь то информирование ребёнка или контроль его поведения.

О.В. Варламовой [Варламова, 2017] были выделены типы общения, свойственные речи женщины в социальной роли матери. В данной работе мы возьмём за основу предложенную классификацию, так как и отцу, и матери характерны схожие по цели родительские стратегии.

Выделенные типы общения следующие:

А) контактоустанавливающий, направленный на создание и поддержание положительной эмоциональной связи с ребёнком;

Б) дидактический, направленный на разъяснение, развитие и обучение ребёнка определённым умениям и навыкам;

В) контролирующий, направленный на регулирование действий и поведения ребёнка.

Типы общения реализуются коммуникативными тактиками, которые применяются отцом для успешного достижения поставленной цели. В рамках одного типа общения отец может применять как одну, так и несколько тактик, в зависимости от их эффективности. При выделении тактик мы опирались на классификацию, предложенную О.С. Иссерс [Иссерс, 2003].

А) Контактустанавливающий тип общения, реализуется следующими коммуникативными тактиками: контроля над пониманием, похвалы и согласия.

Тактика контроля над пониманием определяется намерением адресанта прояснить ситуацию, уточнить усвоение информации адресатом:

86) *Tu as entendu ce qu'a dit l'oncle Jules? (Ты слышал, что сказал дядя Жюль?).* Здесь тактика реализуется с помощью уточняющего вопроса с перцептивным глаголом *entendre* в прошедшем времени. Таким вопросом характеризуется стремление отца контролировать степень усвоения информации ребёнком и убедиться в его понимании.

В речи отцов-англичан для этой тактики также свойственно использование глаголов перцепции:

87) *I didn't think about it, you see? (Я не думал об этом, понимаешь?)*

Однако гораздо чаще реализация тактики контроля над пониманием происходит с помощью речевого маркера *okay*, применимо к обоим языкам, разделительным вопросом или тегом – для английского языка, а также наречия *d'accord* – для французского языка:

88) *Let's start again, okay? (Давай начнём сначала, хорошо?)*

89) *Monte et attends-moi, d'accord? (Иди наверх и подожди меня, ладно?)*

90) *You are a bit young to be in love, aren't you? (Не слишком ли ты юн для влюблённости, а?)*

Тактика похвалы реализуется лексикой с положительной семантикой одобрения:

91) *Bravo, je suis fier de toi ! (Молодец, горжусь тобой!).* В данном примере похвала выражена междометием *bravo* и качественным прилагательным *fier*, обозначающим чувство отца по отношению к поступку ребёнка.

92) *Oh, that's great! Way to go!* (Отлично! Так держать!). Тактика реализована качественным прилагательным *great* и идиомой *way to go*, применяемой в ситуации похвалы.

Следующая тактика – согласия. Она является кооперативной и применяется для устранения возможных конфликтных ситуаций. Для обоих языков здесь характерно употребление лексики, в частности прилагательных и наречий, с семантическим значением согласия или одобрения:

93) *No, you're right. A total agony* (Нет, ты прав. Настоящий ад).

Стоит заметить, что тактика согласия может соседствовать с тактикой похвалы в контексте одной коммуникативной ситуации:

94) *Tu as raison. Tu viens de dire une parole importante!* (Ты прав. Ты только что сказал очень важные слова!). Контекст ситуации заключается в убеждении ребёнком отца позволить ему идти с ним на охоту. Отец не только убеждён (*tu as raison*), но ещё и восхищён аргументами, которые были использованы ребёнком в процессе достижения цели. Его положительная оценка выражается качественным прилагательным *important*, характеризующим слова ребёнка, и восклицательной интонацией, демонстрирующей одобрение.

Второй тип общения, дидактический, включает в себя использование тактики убеждения, сочетающейся с тактикой похвалы – или же наоборот упрёка – и тактики контроля над пониманием, чтобы поддерживать связь с ребёнком:

95) *You can do this, see? Watch and repeat after me. Yeah, that's right* (У тебя получится, слышишь? Смотри и повторяй. Да, вот так).

В данной ситуации отец сначала убеждает ребёнка приступить к обучению, используя модальный глагол *can* со значением способности к действию, поддерживает контакт вопросительным тегом *see*, продолжает глаголом перцепции *watch* и глаголом *repeat* в повелительном наклонении. Чтобы подбодрить ученика, отец применяет тактику похвалы: использует

утвердительное междометие *yeah* и наречие *right* с семантическим значением положительной оценки.

Стоит отметить, что дидактический тип общения встречается у отцов относительно редко. Вместо этого в их речи преобладает контролирующий тип, предполагающий регулирование поведения ребёнка. Как самый используемый, этот тип реализуется также и большим количеством коммуникативных тактик. Для контролирующего типа общения отцов характерны следующие тактики: убеждения, просьбы, упрёка, угрозы, запрета, контроля над пониманием.

Тактика упрёка применяется для того, чтобы вызвать стыд, раскаяние и т.д. адресата [Иссерс, 2003]. Отец в таком случае старается не только имплицитно выразить отрицательную оценку поведению ребёнка, но и оказывает эмоциональное воздействие на него с целью убедить прийти к состоянию, которое отвечало бы его интересам.

96) *Comment pouvons-nous ne pas nous inquiéter? Que ferais-tu sans moi ? (Как мы можем не волноваться? Что бы ты без меня делал?).*

В данном примере тактика упрёка выражается риторическими вопросами, апеллируя вначале к обоим родителям (*nous*), а после непосредственно к самому адресанту, отцу (*moi*). В первом вопросе используется модальный глагол *pouvoir*, который вместе с вопросительным словом *comment* выражает невозможность для родителей не волноваться о сыне. Во втором вопросе используется *Conditionnel Présent* для представления ситуации, которая могла бы повлиять негативно на жизнь ребёнка, будь она реальна. Введение ситуации необходимо, чтобы призвать к совести адресата, заставить его задуматься над своим поведением и не поступать так впредь.

97) *Why didn't you tell me? Promise me it won't happen again (Почему ты мне не сказал? Пообещай, что больше такого не повторится).*

В примере 97 упрёк также выражается риторической вопросительной конструкцией в *Past Simple* с отрицанием. Маркером непосредственно

влияния на поведение ребёнка в дальнейшем является императивное *promise* во втором предложении, с помощью которого отец берёт с ребёнка слово изменить ситуацию в будущем (на что указывает глагол *happen* в Futur Simple с отрицанием).

Следующая контролирующая коммуникативная тактика – просьбы, выражающая побуждение к выполнению какого-либо действия в мягкой, вежливой форме, без оказания давления на адресата.

98) *Nicolas, arrête s'il te plaît* (Николя, прекрати, пожалуйста). В ситуации, когда отец занят работой, а сын играет с музыкальной игрушкой, первый применяет тактику просьбы, чтобы побудить второго остановиться и тем самым не мешать ему. Побуждение представлено глаголом в повелительном наклонении – *arrête*. Уважение к ребёнку и нежелание конфликтовать выражается именным апеллятивом (обращением по имени) и этикетной конструкцией *s'il te plaît*, что подтверждает мягкость исполнения тактики.

99) *Pourrais-tu m'écouter?* (Не мог бы ты меня послушать?). Тактика просьбы, совмещённая с тактикой упрёка: ребёнок отказывается слушать отца, и второй в мягкой форме выражает своё недовольство с помощью косвенного речевого акта, представленного глаголом *pouvoir* в Conditionnel Présent и глаголом перцепции *écouter*, побуждая сына изменить своё поведение и обратить внимание на говорящего.

Наиболее очевидной и частой тактикой в контролирующем типе общения отца является тактика запрета, характеризующаяся применением давления говорящего на слушающего, убеждением его не делать что-то.

Распространённый случай реализации тактики запрета — это глагол в императивной форме:

100) *Ne pleure pas quand on est un homme* (Не плачь при посторонних).

В данном примере отец, используя глагол *pleurer* в повелительном наклонении с отрицательными частицами *ne... pas*, одновременно упрекает

сына за несдерживаемые эмоции, побуждает его прекратить и впредь так не поступать.

101) *You ought not to hold the fork and the knife like that.* (Не держи вилку и нож вот так).

В примере 101 тактика реализуется с помощью смыслового глагола *hold*, модального глагола с семантическим значением обязательства *ought to*, использованного с отрицательной частицей *not*.

Важно также заметить тенденцию, заключающуюся в том, что в анализируемом материале тактика просьбы сменялась тактикой угрозы при условии неподчинения ребёнка, его отказа регулировать своё поведение. Таким образом, для родительской фигуры более приоритетным является достижение желаемого результата, а не сохранение мягкой и вежливой формы общения, неконфликтного тона коммуникативной ситуации:

102) *Nicolas, arrête s'il te plaît* (Николя, прекрати, пожалуйста), сменяющееся угрозой *Je vais le casser maintenant!* (Я сейчас это [игрушку] сломаю!). Исчезает этикетная конструкция *s'il te plaît* и именной аппеллятив, появляется будущее время сказуемого, выражающее обещание в форме угрозы, восклицательная интонация, демонстрирующая раздражение, и наречие времени *maintenant*, усиливающее эмоциональную окраску высказывания и побуждающее ребёнка сейчас же разобраться с конфликтной ситуацией.

Нередко встречается в контролирующем типе общения тактика угрозы – выражения одной стороной намерения вести себя во вред интересам другой стороны в зависимости от того, будет или не будет другая сторона выполнять требуемое от нее.

103) *On rentre maintenant ou je me fâche* (Мы сейчас же возвращаемся или же я разозлюсь). В данном примере отец-адресант использует тактику угрозы, противопоставляя с помощью союза *ou* два возможных варианта развития действий, выраженные в двух предикативных основах в настоящем времени: *on rentre* и *je me fâche*. Благодаря этому противопоставлению перед

ребёнком ставится выбор. Наречие времени *maintenant* усиливает необходимость сделать выбор своевременно, не затягивая, сейчас же, что также можно считать проявлением тактики давления.

2.4. Кросс-культурный аспект описания речи мужчин в коммуникативной роли отца

При составлении речевого портрета мужчины в коммуникативной роли отца на материале английского и французского кинодискурса нами были замечены некоторые речевые особенности, свойственные только одному из двух представленных языков и обусловленные разницей лингвокультур.

Первая особенность касается выражения отношения ко времени отцами-англичанами и отцами-французами. При анализе материала на английском языке, включающим данные единицы, была замечена тенденция частотного использования глаголов в прошедшем времени – или в настоящем, но в совершенном виде:

104) *When I came back, everything seemed wrong* (Когда я вернулся, всё казалось не таким, как прежде) – смысловые глаголы *come* и *seem* в *Past Simple*;

105) *I was very young **back then**, you see?* (Я тогда был юн, понимаешь?) – смысловой глагол *be* в *Past Simple*;

106) *It's been years now* (Это было годы назад) – смысловой глагол *be* в *Present Perfect*.

Это можно объяснить особенностью английской культуры – монохронностью и направленностью в прошлое. Отец воспитывает ребёнка, полагаясь на собственный негативный опыт, предостерегая его от повторения ошибок. В материале на французском же языке наблюдалась другая закономерность: использование глаголов и в прошедшем, и в настоящем, и в будущем времени, однако их использование почти всегда характеризовало актуальную ситуацию:

107) *Quelle **heure** est-il ? On va se coucher* (Который час? Пора спать) – смысловые глаголы *être* и *aller* в *Présent*;

108) *Est-ce que tu as regardé la **montre** ? Nous sommes en retard !* (Ты на часы смотрел? Мы опаздываем!) – смысловой глагол *regarder* в *Passé Composé*, но глагол *être en retard*, относящийся к нынешним обстоятельствам коммуникативной ситуации, в *Présent*.

109) *Es-tu prêt ? Nous partirons dans cinq **minutes*** (Ты готов? Отправимся через пять минут) – смысловой глагол *partir* в *Futur*, но глагол *être*, относящийся к нынешним обстоятельствам коммуникативной ситуации, в *Présent*.

Следовательно, для отцов во французской лингвокультуре в первую очередь важно воспитание и контроль ребёнка «здесь и сейчас», обращённость к настоящему.

Следующая сопоставительная характеристика это степень выраженности эмоций отца и возможность обсуждения чувств с ребёнком. Как было раскрыто в параграфе 2.2.1, отцы-британцы склонны использовать нейтральные лексические единицы и конструкции, не называя чувств и эмоций, в то время как отцы-французы говорят о чувствах с детьми куда чаще (тема чувств раскрывается в 10 из 12 фильмов) более открыто, называя не только эмоции ребёнка, но и свои собственные.

Наглядно особенность «умалчивания» чувств демонстрируется в следующем примере:

110) *Tell her, then <...> I never told your mum enough. I should have told her every day because she was perfect every day* (Тогда скажи ей. Я недостаточно раз говорил этого твоей маме. Я должен был говорить ей об этом каждый день, потому что каждый день она была идеальна).

В контексте ситуации подразумевается, что отец советует сыну признаться девушке в любви. Он трижды повторяет глагол *tell* (сказать): в повелительном наклонении, убеждая ребёнка; и в прошедшем времени,

указывая на собственное сожаление. Само же чувство – любовь – не упоминается.

Следующая особенность напрямую связана с тенденцией англичан делать речь более нейтральной: неиспользование образных апеллятивов с положительной эмоциональной окраской (такие как *mon coeur* (моё сердце), *mon chéri* (мой дорогой) во французском) и более частое употребление собственно именных апеллятивов (*Billy, Charlie, Eric*) или же нейтральных нарицательных (*son*).

Положительно эмоционально окрашенных апеллятивов, используемых отцами-англичанами, обнаружилось лишь два: *my child* (моё дитя), *kiddo* (малыш). Таким образом, мы сделали вывод, что отцам-англичанам в особенности не свойственно открытое проявление нежности и привязанности к ребёнку.

В параграфах 2.2.2 и 2.3 мы проанализировали использование глаголов перцепции для обоих языков и выделили тактику контроля над пониманием ребёнка, зачастую реализуемой этими глаголами. Необходимо заметить, что глаголы перцепции и использование их для реализации этой тактики характерно в большей степени для французского языка. Отцы-англичане же чаще уточняют или акцентируют внимание ребёнка с помощью разделительных вопросов, выполняющих в данном случае ту же функцию, так как семантически подразумевают ответ «да» или «нет». Ср.:

111) *You're upset, aren't you? (Ты расстроен, да?)*

112) *You believe me, don't you? (Ты ведь веришь мне, да?)*

113) *C'est ma faute, tu vois ? (Это моя вина, понимаешь?)*

Последнее замеченное нами различие это тенденция для отцов-англичан использовать совместный агентив *we*, не наблюдаемая в материале на французском языке:

114) *Shall we come in?(Нам стоить войти?)*

115) *Why don't we leave it that way?(Почему бы не оставить это как есть?)*

Необходимо отметить, что данный агентив используется исключительно в вопросительных конструкциях со значением предложения или приглашения. Таким образом, отец делает акцент на том, что именно ребёнок обладает правом принять окончательное решение, хотя изначальная инициатива исходила от родителя.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

1) На основании анализа описаны характерные для речи отца просодические особенности, выделены и проанализированы языковые средства на лексическом, синтаксическом и грамматическом уровнях, которые способствуют реализации целей отцовской фигуры.

2) Просодические особенности выявлены в контексте трёх коммуникативных ситуаций: конфликта, воспитания, убеждения. Для первой характерна сильная амплитуда колебания тона и интонационные выделения слов, для второй – слабая амплитуда, ровный тон, для третьей – выделение слов и интонационные паузы.

3) На лексическом уровне выделены и описаны следующие лексико-тематические группы: выражение оценки, время, контроль и воспитание, сон, развлечения и игра, чувства и настроение.

4) Также к проанализированным лексическим средствам реализации коммуникативной роли отца относятся: модальные глаголы *pouvoir, devoir, vouloir, savoir, can (could), must, have to, will (would), need, shall, should, had better, ought to*; глаголы перцепции (реализующие привлечение внимания, уточнение, запрет или побуждение); аппеллятивы (нарицательные, с нейтральной и положительной эмоциональной окраской, и именные)

5) К грамматико-синтаксическим относим: повелительное наклонение глаголов (используемое отцом для побуждения ребёнка к действию, для контроля поведения, привлечения внимания, убеждения и контроля эмоционального состояния); условное наклонение глаголов (для выражения предполагаемого действия или предположения); вопросительные предложения (собственно-вопросительные, предположительно-вопросительные и установочно-вопросительные с функциями коммуникативно-прагматической и установления контакта).

6) Выделены типы общения отца с ребёнком: дидактический, контролирующей, контактоустанавливающей. Определены

коммуникативные тактики, реализующиеся в рамках данных типов общения: тактика убеждения, согласия, похвалы, запрета, контроля над пониманием, упрёка, угрозы. Ведущим типом общения отца определён контролирующий. Другими словами, главной коммуникативной целью отцовской фигуры является контроль поведения ребёнка, его действий и убеждений.

7) Наконец, нами были отмечены языковые различия, обнаруженные при сопоставлении примеров на английском и французском языках. Описанные наблюдения следующие: разное отношение ко времени и выражение его через лексику и грамматику, более открытое обсуждение чувств и эмоций в случае с отцами-французами, «умалчивание» чувств и нейтральность тона в случае с отцами-англичанами, неупотребление последними образных апеллятивов, а также склонность использовать совместный агентив в вопросительных конструкциях; свойственная отцам-французам реализация тактики контроля над пониманием глаголами перцепции и разделительными вопросами – отцами-англичанами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В первой главе проанализированы понятия социальной роли, социального статуса, коммуникативной роли, выявлены различия между формулировками. Обобщены подходы к пониманию сущности коммуникативной роли в современной науке, а также представлены классификации, на основе которых были определены характеристики коммуникативной роли отца. Обзор существующих исследований, посвящённых семейному общению, позволили выявить недостаточную изученность исследуемой роли. Функции, выполняемые отцом, как кормилец, как защитник и как воспитатель. Также было определено место коммуникативной роли отца в современной коммуникативистике: установлен недостаток изученности роли отца ввиду обращения внимания учёных к диаде «мать-ребёнок», что обусловило актуальность данной работы, а также будущего исследования роли отца и его речевых особенностей в целом.

Наиболее релевантным методом изучения речи мужчины в коммуникативной роли отца является речевое портретирование. Под понятием «речевой портрет» мы понимаем совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определённого социума в отдельно взятый период существования. Проведён обзор существующих исследований в рамках описаний речевого портрета.

Во второй главе на основе анализа корпуса проанализирована речь мужчины в коммуникативной роли отца. Выявлены характеристики речи на языковом уровне – просодическом, лексическом, грамматическом, на коммуникативном уровне, а также представлены лингвокультурные особенности реализации коммуникативной роли отца.

На просодическом уровне были рассмотрены три типа ситуаций в общении отца и ребёнка: убеждения, конфликта и воспитания. Для первого типа характерно использование отцом интонационных пауз, выделение ключевых слов и слабая амплитуда колебания частоты тона. Для второго –

сильная амплитуда колебаний тона и интонационное выделение ключевых слов. Для последнего – ниспадающая интонация и слабая амплитуда колебания частоты тона.

На лексическом уровне были выделены следующие лексико-тематические группы: выражение оценки, время, контроль и воспитание, сон, развлечения и игра, чувства и настроение. Наиболее разнообразной оказалась группа выражения оценки, представленная качественными прилагательными и наречиями. Было отмечено преобладание негативно окрашенных лексических единиц, чьё использование было ориентировано на контроль поведения ребёнка. Самой малочисленной группой среди описанных стала группа «развлечения и игра», что говорит о несклонности отцов участвовать в игровом процессе вместе с детьми.

Кроме того, для лексики отца оказались характерны нейтральные нарицательные и именные аппеллятивы, встречающиеся чаще положительных нарицательных, что свидетельствует о несвойственности для отцов открыто проявлять нежность к ребёнку: вероятнее проявление «товарищества».

На грамматическом уровне отмечено присутствие в речи отца модальностей возможности, предположительности, побуждения, необходимости, реализованных модальными глаголами и глаголами в императивном и условном наклонении. Преобладающими являются модальность необходимости (как правильно, выражающая запрет действий ребёнка отцом и реализованная глаголами *must*, *have to*, *devoir*) и побудительная модальность, представленная императивными глаголами. Выделено частотное использование перцептивных глаголов в ситуациях привлечения внимания, запрета и уточнения информации.

Отмечено использование следующих типов вопросительных конструкций: собственно-вопросительных, предположительно-вопросительных и установочно-вопросительных с функциями коммуникативно-прагматической и установления контакта.

На коммуникативном уровне выделены типы общения отца с ребёнком: дидактический, контролирующий, контактоустанавливающий. Определены коммуникативные тактики, реализующиеся в рамках данных типов общения: тактика убеждения, согласия, похвалы, запрета, контроля над пониманием, упрёка, угрозы. Ведущим типом общения отца определён контролирующий.

Наконец, на уровне лингвокультурных особенностей нами были отмечены языковые различия, обнаруженные при сопоставлении примеров на английском и французском языках: разное отношение ко времени и выражение его через лексику и грамматику, более открытое обсуждение чувств и эмоций в случае с отцами-французами, «умалчивание» чувств и нейтральность тона в случае с отцами-англичанами, неупотребление последними образных апеллятивов, а также склонность использовать совместный агентив в вопросительных конструкциях; свойственная отцам-французам реализация тактики контроля над пониманием глаголами перцепции и разделительными вопросами – отцами-англичанами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анохина В.С. Специфика речевого общения в семьях разных типов [Электронный ресурс] // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2010. 5 с. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/spetsifika-rechevogo-obscheniya-v-semyah-raznyh-tipov> (дата обращения: 20.05.2019).
2. Бабешко Е.В. Коммуникативные стратегии публичных выступлений (на материале открытых лекций в университетах Великобритании и США): магистерская диссертация: 45.04.02; 45.04.02.01.00 / Бабешко Е. В. Красноярск, 2017. 89 с.
3. Байкулова А.Н. Семейный лексикон (номинации ближайших бытовых объектов) [Электронный ресурс] // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2009. Т.9. Вып.3. С. 12–15. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/semeynyu-leksikon-nominatsii-blizhayshih-bytovyih-obektov> (дата обращения: 20.05.2019).
4. Байкулова А.Н. Семейная коммуникация: роль отца и ее речевое воплощение [Электронный ресурс] // Известия ВГПУ. 2012. С. 29-31. Режим доступа: <http://izvestia.vspu.ru/files/publics/90/29-31.pdf> (дата обращения: 20.05.2019).
5. Баранов А.Н., Паршин П.Б. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой коммуникации. М.: ИНИОН. 1986. С. 100-143.
6. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 88–125.
7. Богин Г.И. Концепция языковой личности. Автореф. дис. ...д-ра филол. наук: Л. 1982. 31 с.
8. Бондаренко Е.В. Семиосфера межкультурного семейного общения [Электронный ресурс] // Известия ВГПУ. 2009. С. 12–16. Режим

доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/semiosfera-mezhkulturnogo-semeynogo-obscheniya> (дата обращения: 20.05.2019).

9. Бориснёв С.В. Социология коммуникации: Уч. пособие для вузов. / Бориснёв С. В. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2003. 270 с.

10. Борисова И.Н. Категория цели и аспекты текстового анализа [Электронный ресурс] / И.Н. Борисова // Жанры речи: Вып. 2. Саратов: Колледж. 1999. 300 с. Режим доступа: <https://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-2> (дата обращения: 20.05.2019).

11. Броженко С.В. Стратегии и тактики речевого воздействия в рекламном дискурсе (на материале рекламных текстов банковских услуг) // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. Серия: Филология. Искусствоведение, 2011. Вып. 50. 3 (218). С. 11–15.

12. Варламова О.Н. Речевой портрет женщины в социально-релевантной роли матери (на материале французского и русского языков): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Варламова Ольга Николаевна. Красноярск. 2017. 180 с.

13. Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социолингвистика и социология языка: Учебное пособие/ Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. / СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2004. с. 78.

14. Ветрова Э.С. Об особенностях речевого этикета семейного общения (на материале украинского и лезгинского языков) [Электронный ресурс] // Вестник БГУ. 2016. №2. С. 156–163. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/ob-osobennostyah-rechevogo-etiketa-semeynogo-obscheniya-na-materiale-ukrainskogo-i-lezginского-yazykov> (дата обращения: 20.05.2019).

15. Виноградов В.В. Избранные труды: о языке художественной прозы. М.: Наука. 1980. 360 с.

16. Воробьев, В.В. Языковая личность в лингвокультурологии / В.В. Воробьев // Тез. докл. Языковая личность: Лингвистика. Лингвокультурология. Лингводидактика. Уфа: РИЦ БашГУ. 2011. С. 234–237
17. Воробьев Ю.Л., Гайтюкевич Н.И. Социальные коммуникативные функции в контексте типологии коммуникаций [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение. 2010. №1. С. 64–69. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/sotsialnye-kommunikativnye-funktsii-v-kontekste-tipologii-kommunikatsiy> (дата обращения: 20.05.2019).
18. Гавра Д.П. Основы теории коммуникации / Учебное пособие для бакалавров и специалистов. СПб.: Питер. 2011. 285 с..
19. Гагарская Е.А. Коммуникативные стратегии и тактики в речевом жанре объявления о знакомстве. Речевое общение: специализированный вестник/под ред. А.П. Сковородникова. Вып. 8–9 (16–17). Краснояр. гос.ун-т. 2006. С. 196–201.
20. Гарифуллина Д.Б. Речевой портрет политического лидера (на материале инаугурационных речей президентов России и США) [Электронный ресурс] // Международные отношения и общество. 2019. №1. С. 106-111. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-portret-politicheskogo-lidera-na-materiale-inauguratsionnyh-rechey-prezidentov-rossii-i-ssha> (дата обращения: 5.01.2020).
21. Горностаева А.А. Место иронии в речевых портретах современных политических деятелей [Электронный ресурс] // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2016. №1. С. 57-76 Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-ironii-v-rechevyh-portretah-sovremennyh-politicheskikh-deyateley> (дата обращения: 10.01.2020).
22. Губарь И.А. Фрагмент речевого портрета Б.Л. Пастернака // Язык и культура. Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью «Центр развития научного сотрудничества». 2015. №16. С.127–131.
23. Зеленков М.Ю. Социология / М. Ю. Зеленков. М. 2015. 186 с.

24. Ившина М.Е. Особенности изменения системы социальных ролей женщины во время беременности [Электронный ресурс] // Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология. Вып. 18. 2012. №31. С. 105–108. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/osobennosti-izmeneniya-sistemy-sotsialnyh-rolej-zhenschiny-vo-vremya-beremennosti> (дата обращения: 20.05.2019).
25. Ильюшенко Ю.В. Типы статусно-ролевой неуместности в диалоге [Электронный ресурс] // Веснік БДУ. Сер. 4. 2011. № 3. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/26848/1/68-72.pdf> (дата обращения: 20.05.2019).
26. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: Монография. Омск: Изд. Омск. гос. универ. 1999. 285с.
27. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: Издательство ЛКИ. 2008. 288 с.
28. Карасик В.И. Характеристики педагогического дискурса // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики: сб. науч. тр. / ВГПУ. Волгоград: Перемена. 1999. С. 3–18.
29. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография / В.И. Карасик. Волгоград: Перемена. 2002. 477 с.
30. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. 1989. С. 3–8.
31. Карпова Н.А., Морева А.В. Коммуникативные тактики побуждения в речевом жанре (на материале административного объявления в русском и немецком языках) // Язык и культура. 2010. №1 (9). С. 24–32.
32. Кашкин В.Б. Основы теории коммуникации: Краткий курс. – 3-е изд., перераб. и доп. М: АСТ: Восток-Запад. (Лингвистика и межкультурная коммуникация: золотая серия). 2007. 256 с.
33. Межличностное общение. Хрестоматия / Сост. и общая редакция Н.В. Казариновой, В.М. Погольши. СПб. 2001. 330-340 с.
34. Кириллова Н.Н. Коммуникативные стратегии и тактики с позиции нравственных категорий // Вестн. НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия:

Управление в соц. системах. Коммуникативные технологии. 2012. №1. С. 26–33.

35. Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): учеб. пособие для вузов / Е.В. Клюев. М.: Изд-во ПРИОР. 1999. 272 с.

36. Кожемякина В.А. Словарь социолингвистических терминов / В. А. Кожемякина, Н. Г. Колесник. М.: Институт Языкознания РАН. 2006. 312 с.

37. Колмогорова А.В. «Мамин язык»: практики материнского общения в контексте распределённой модели языка и когниции: монография / А. В. Колмогорова. М.: Флинта: Наука. 2013. 166 с.

38. Кон И.С. Социология личности / И.С. Кон. М.: Политиздат. 1967. 383 с.

39. Кравченко Н.К. Коммуникативная роль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://discourse.com.ua/data/uploads/books/kommunikativnaja-rol.pdf> (дата обращения: 20.05.2019).

40. Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 90–106

41. Крысин Л.П. Социальная маркированность языковых единиц // Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки слав. Культуры. 2004. С. 486-509.

42. Латышева Ю.А. Специфика отцовской роли: традиционный и новый взгляд на проблему [Электронный ресурс] // Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. №4. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/spetsifika-ottsovskoy-rol-i-traditsionnyy-i-novyy-vzglyad-na-problemu> (дата обращения: 20.05.2019).

43. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис». 2003. 280 с.

44. Максимов В.И. Русский язык и культура речи: Учебник. М.: Гардарики. 2001. 413 с.

45. Набойченко Е.С., Фокина Е.В. Роль семьи в усвоении детьми половых ролей и межличностных отношений [Электронный ресурс] // Пед.

образование в России. 2012. №6. С. 199–202. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/rol-semi-v-usvoenii-detmi-polovyh-rolei-i-mezhlichnostnyh-otnosheniy> (дата обращения: 20.05.2019).

46. Немировская Ю.В. Факторы адаптации беременной женщины к роли матери [Электронный ресурс] // Вестник СГТУ. 2007. 5 с. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/factory-adaptatsii-beremennoy-zhenschiny-k-sotsialnoy-rol-i-materi> (дата обращения: 20.05.2019).

47. Николаева Т.М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Доклады Всесоюзной научной конференции. Часть 2. М.: ИРЯЗ. 1991. С. 73–75.

48. Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII – XX вв. М.: Едиториал УРСС. 2002. 456 с

49. Патрушева Л.С. Коммуникативные роли участников интернет-форума [Электронный ресурс] // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 10 (225). С. 109-113. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-rol-i-uchastnikov-internet-foruma> (дата обращения: 20.05.2019).

50. Правиков Ю.В. Профессиональный коммуникативный акт [Электронный ресурс] // Научный журнал КубГАУ. №28(4). 2007. Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2007/04/pdf/13.pdf> (дата обращения: 20.05.2019).

51. Рисинзон С.А. Ситуационная и индивидуально-личностная зависимость использования этикетных средств в английском семейном общении [Электронный ресурс] // Филология и человек. 2009. 3 с. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/situatsionnaya-i-individualno-lichnostnaya-zavisimost-ispolzovaniya-etiketnyh-sredstv-v-angliyskom-semeynom-obschenii> (дата обращения: 20.05.2019).

52. Рытникова Я.Т. Семейная беседа: обоснование и ритор. интерпретация жанра: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Рытникова Яна Таральфовна. – Екатеринбург. 1996. 212 с.

53. Саралиева З.Х., Балабанов С.С., Кузьмина Л.М. Социальные роли современных российских мужчин // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 86-93.

54. Селивёрстова Л.Н., Ковалев В.Э. Штрихи к речевому портрету современной Студентки (на материале текстов эссе) [Электронный ресурс] // Вестник ТИУиЭ. 2019. №1 (29). С. 128-131 Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/shtrihi-k-rechevomu-portretu-sovremennoy-studentki-na-materiale-tekstov-esse> (дата обращения: 9.11.2019).

55. Селивёрстова Л.Н., Левицкая А.А. Речевое поведение российских медиакритиков (на материале научных и публицистических статей) [Электронный ресурс] // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2016. № 2. С. 1-17. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoe-povedenie-rossiyskih-mediakritikov-na-materiale-nauchnyh-i-publitsisticheskikh-statey/viewer> (дата обращения: 27.12.2019).

56. Седов К.Ф. О природе художественного текста // АРТ. Альманах исследований по искусству. Вып. 1. Саратов. 1993. С. 11-16.

57. Снигирева О.М., Талалай Т.С. Речевой портрет политического лидера Германии А. Меркель (на материале новогодних обращений) [Электронный ресурс] // Известия ВГПУ. 2019. №2 (135). С. 161-164 Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-portret-politicheskogo-lidera-germanii-a-merkel-na-materiale-novogodnih-obrascheniy> (дата обращения: 17.12.2019).

58. Старостина Л.Д. Роль отца в психическом развитии ребёнка [Электронный ресурс] // Вестник СВФУ. 2008. Т. 5. №3. С. 74–80. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/rol-ottsa-v-psihicheskom-razviti-rebenka> (дата обращения: 20.05.2019).

59. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие: учебное пособие / Стернин И.А. Воронеж: изд. ВГТУ. 2001. 227 с.

60. Стернин И.А. Основы речевого воздействия: учебное пособие / Стернин И.А. 3-е изд., стер. – Москва; Берлин: Директ-Медиа. 2015. 289 с.
61. Тарасов Е.Ф. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения / Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М. М.: Наука. 1979. 328 с.
62. Тахтарова С.С., Павлов Д.В. Коммуникативный портрет как главное средство создания образа героя (на материале романа-фантазмагии Энтони Берджесса «Доктор болен») [Электронный ресурс] // Казанский лингвистический журнал. 2019. №2. С. 90-97 Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnyu-portret-kak-glavnoe-sredstvo-sozdaniya-obraza-geroya-na-materiale-romana-fantasmagorii-entoni-berdzhessa-doktor-bolen> (дата обращения: 17.10.2019).
63. Тютюнова О.Н. Коммуникативные стратегии и тактики судебного дискурса: на материале немецких и русских телевизионных передач // дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Тютюнова Олеся Николаевна. – Волгоград. 2008. 248 с.
64. Филиппова Н.К. Социальные позиции и социальные роли ученого [Электронный ресурс] // СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ. 2011. Том 2. № 1 Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/sotsialnye-pozitsii-i-sotsialnye-rol-i-uchenogo-1> (дата обращения: 20.05.2019).
65. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н.И. Формановская. М.: Икар. 2007. 480 с.
66. Фесенко О.П. Фонетическая составляющая речевого портрета современной молодежи (на примере речи курсантов военного вуза) [Электронный ресурс] // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2018. №3. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/foneticheskaya-sostavlyayuschaya-rechevogo-portreta-sovremennoy-molodezhi-na-primere-rechi-kursantov-voennogo-vuza> (дата обращения: 10.11.2019).

67. Шадрина А. Дорогие дети: сокращение рождаемости и рост «цены» материнства в XXI веке / А. Шадрина. М.: Новое литературное обозрение. 2017. 392 с.

68. Шалифова О.Н. Распределение коммуникативных ролей в британском семейном общении [Электронный ресурс] / О.Н. Шалифова, А.В. Красненко // Самарский научный вестник. 2013. № 2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/raspredelenie-kommunikativnyh-rolej-v-britanskom-semeynom-obschenii> (дата обращения: 20.05.2019).

69. Шибутани Т. Социальная психология / Т. Шибутани. Ростов-на-Дону: Феникс. 2002. 544 с.

70. Яхина Д.И. Образные средства в семейном общении (на материале метафор и сравнений) [Электронный ресурс] // Проблемы речевой коммуникации. 2015. С. 70-81
Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/obraznye-sredstva-v-semeynom-obschenii-na-materiale-metafor-i-sravneniy> (дата обращения: 20.05.2019).

71. Burghes L., Clarke L., Cronin N. Fathers and Fatherhood in Britain. Family Policy Studies Centre, London. 1997. P.72-73

72. Gerhard U. Toward a Critical Analysis of Role // Social Problems. 1980. Vol. 27. № 5. P. 556–569.

73. Dallaire Y. La réelle fonction du père [Электронный ресурс]
Режим доступа: <https://www.yvondallaire.com/articles/chronique-38/> (дата обращения: 13.12.19)

74. King L. Family Men: Fatherhood and Masculinity in Britain, 1914-1960 Oxford. 2015. Режим доступа:
<https://www.oxfordscholarship.com/view/10.1093/acprof:oso/9780199674909.001.0001/acprof-9780199674909-chapter-7> (дата обращения: 13.12.19)

75. Lankinen M. The father's role in the family [Электронный ресурс]
Режим доступа: <https://medium.com/@malin.lankinen/the-fathers-role-in-the-family-9109f31e68be> (дата обращения: 13.12.19)

76. Les Français et la paternité [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.alliancevita.org/wp-content/uploads/2019/07/sondage-francais-paternite-ifop-alliance-vita-juin-2018.pdf> (дата обращения: 3.03.20)

77. Linton R. The study of man. N.Y., 1936; Memorandum for the study of acculturation (with R. Redfield, M. J. Herskovits) // American Anthropologist. 1936. Vol. 38. № 1.

78. Sacks H. Lectures on Conversation / ed. G. Jefferson. Oxford: Blackwell. 1992. Vol.1, 2. 254 p.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра романских языков и прикладной лингвистики
45.03.02 Лингвистика

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой РЯиПЛ

 А. В. Колмогорова

« 05 » 2020 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

**РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ МУЖЧИНЫ В КОММУНИКАТИВНОЙ
РОЛИ ОТЦА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКИХ И АНГЛИЙСКИХ
ФИЛЬМОВ)**

Выпускник

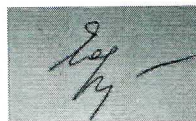
А. А. Вертунова

Научный руководитель

канд. филол. наук,
доц. О.Н. Варламова

Нормоконтролер

В.В. Ефимова

Красноярск 2020